

АВГУСТ СТРИНДБЕРГ

Игра снов

Перевод со шведского А. Афиногеновой

Август Стриндберг — один из талантливейших, во всяком случае, самый оригинальный шведский романист, драматург, новеллист. Круг научных интересов Стриндберга заставлял сравнивать его с Гёте: он изучал китайский язык, писал работы по востоковедению, языкознанию, этнографии, истории, биологии, астрономии, астрофизике, математике. Вместе с тем Стриндберг занимался живописью, интересовался мистическими учениями, философией Ницше и психологией бессознательного — все это нашло отражение в его произведениях.

Стриндберг оказал большое влияние на мировую литературу как своего времени, так и на последующие поколения писателей, будучи предтечей экспрессионизма и сюрреализма. В числе своих учителей его могли бы назвать такие писатели, как Пер Лагерквист, Луиджи Пиранделло, Франц Кафка, Жан-Поль Сартр, Бертольд Брехт, Фридрих Дюрренматт и многие другие.

В настоящем издании представлено любимое детище драматурга. Пьеса «Игра снов» отличается глобальностью, фаустовской космичностью сюжета и является одним из наиболее совершенных творений Августа Стриндберга.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Адвокат.

Полицейский.

Дочь.

Суфлер.

Поэт.

Хорист.

Офицер.

Стекольщик.

Привратница.

Учитель.

Расклейщик афиш.

Слепец.

Пенсионер.

Отвозчики.

Эдит.

Лорд-канцлер.

Лина.

Декан богословского факультета.

Балерина.

Декан философского факультета.

Кристина.

Декан юридического факультета.

Начальник карантина.

Декан медицинского факультета.

Напоминание

Автор в этой пьесе стремился подражать бессвязной, но кажущейся логичной форме сновидения: все возможно и вероятно. Времени и пространства не существует; цепляясь за крохотную основу реальности, воображение прядет свою пряжу и ткёт узоры: смесь воспоминаний, переживаний, свободной фантазии, вздора и импровизаций.

Герои расщепляются, раздваиваются, испаряются, уплотняются, растекаются, собираются воедино. Но одно превышает всего — сознание сновидца; для него нет ни тайн, ни непоследовательности, ни раздумий, ни законов. Сновидец не осуждает, не оправдывает, только соотносит, а поскольку сновидение чаще всего болезненно, редко радостно, колеблющееся повествование окрашено грустью и сочувствием ко всему живому. Сон — избавитель — нередко бывает мучительным, но, когда страдание становится невыносимым, наступает пробуждение, примиряя страдание с действительностью, которая, какой бы тягостной она и была, в этот миг

все же доставляет наслаждение по сравнению с
мучительным сновидением.

ПРОЛОГ

*Задник представляет собой шапки облаков, похожих
на разрушенные сланцевые горы, с замками и
развалинами крепостей. Видны созвездия Льва, Девы
и Весов, а между ними ярко сияет планета Юпитер.
Дочь Индры стоит на самом верхнем облаке.*

*Голос Индры
(сверху)*

Где ты, дочь моя, где?

Дочь Индры

Здесь, отец, здесь!

Голос Индры

Дитя, ты заблудилась, берегись, ты опускаешься...
Как попала ты сюда?

Дочь Индры

Из высших сфер за молнии лучом
помчалась я, на облаке, как в колеснице...
Но облако спустилось, и вниз лечу теперь...
Скажи, о отче, Индра, куда
попала я? Мне душно здесь,
так тяжело дышать.

Голос Индры

Ты мир покинула второй, вступила в третий,
от Шукры, утренней звезды,
ты удалилась иходишь
в земное небо; взгляни же там
на Солнца дом седьмой, ему название Весы,
там, где звезда дневная осеннею порой
равняет день и ночь...

Дочь Индры

Ты Землю помянул, ужели это черный
и тяжелый мир, что освещается луной?

Голос Индры

Плотнейший, тяжелейший из шаров,
что по Вселенной бродят.

Дочь Индры

Скажи, а солнце там никогда не светит?

Голос Индры

Конечно, светит, но не все время...

Дочь Индры

Разверзлось облако, я вниз смотрю...

Голос Индры

Что видишь ты, дитя?

Дочь Индры

Я вижу... там красиво... зеленые леса,
и синева воды, и белые вершины, и желтые
поля...

Голос Индры

Да, там прекрасно, как все, что создал Брахма...
но было там еще прекраснее
когда-то, на заре времен; потом случилось что-то,
сместилась ли орбита, иль произошло иное,
взрыв, нарушивший событий ход,
который надобно исправить...

Дочь Индры

Теперь я снизу слышу звуки...
Что там за племя обитает?

Голос Индры

Сойди и посмотри... я не хочу позорить
Создателя творенья, но
то, что слышишь ты, — их язык.

Дочь Индры

Звучит он как... безрадостно звенит он.

Голос Индры

Еще бы! Ибо родному языку их
имя плач. О да! Неблагодарное
земляне племя, довольны не бывают...

Дочь Индры

Не говори так, теперь я слышу радостные крики
и залпы, гул, я вижу, молнии сверкают,
колокола звонят, костры горят,
и тысячею тысяч голосов
возносится хвала и благодарность Небу...

Пауза.

Не в меру ты сурово судишь их, отец...

Голос Индры

Сойди и посмотри, послушай, а вернешься,
расскажешь мне, оправданны ли
стенанья их и жалобы...

Дочь Индры

Да будет так, иду, пойдем со мной, отец!

Голос Индры

Нет, мне там дышать невмочь...

Дочь Индры

Облако спускается, как душно, я задыхаюсь...
Не воздухом дышу, а дымом и водой...
Как тяжело, меня он тянет вниз, все вниз,
теперь я замечаю, как он кренится,
третий мир — не лучший все же из миров...

Голос Индры

Не лучший, нет, но и не худший,

ему название Прах, он катится, как и все другие,
и потому у племени порою голова кружится,
на грани помешательства и сумасбродства...
Исполнишь мужества, дитя, всего лишь
испытанье это.

*Дочь Индры
(облако опускается, она стоит на коленях)*

Я опускаюсь.

ИГРА СНОВ

*Задник представляет собой лес гигантских цветущих
штокроз: белых, розовых, пурпурных, сернисто-желтых,
фиолетовых, над которыми видна золоченая
крыша замка, увенчанная похаживающей на корону бутоном.
Внизу, у подножия стен замка, — кучи сена,
наваленные на вычищенную из конюшни солому,
перемешанную с конским навозом. Боковые кулисы,
не убирающиеся на протяжении всего спектакля,
представляют собой стилизованные фрески, комнаты,
архитектуру и пейзаж одновременно.*

Входят *Стекольщик* и *Дочь*.

Дочь. Замок все время растет из земли...
Видишь, насколько он вырос с прошлого года?

Стекольщик (про себя). Никогда прежде
не видел этого замка... никогда не слыхивал,
чтобы замки росли... но... (*К Дочери, очень
убежденно.*) Да, он вырос на два локтя, это потому,
что его унавозили... посмотри внимательно,
видишь, на солнечной стороне распустился

флигель.

Дочь. Он, верно, скоро зацветет, ведь Иванов день миновал?

Стекольник. А ты не видишь цветок вон там, наверху?

Дочь. Вижу! *(Хлопает в ладоши.)* Скажи, отец, почему цветы растут из грязи?

Стекольник (благочестиво). Потому что в грязи им неуютно, они спешат поскорее выбраться на свет, чтоб расцвести и умереть!

Дочь. Ты знаешь, кто живет в замке?

Стекольник. Знал, но забыл.

Дочь. Мне кажется, там узник... и он, конечно, ждет, когда я его освобожу.

Стекольник. Но какой ценой?

Дочь. Когда речь идет о долге, о цене не торгуются. Давай войдем в замок!..

Стекольник. Идем!

Они медленно направляются к раздвигающемуся в стороны заднику.

На сцене теперь — непритязательная, пустоватая комната, в которой стоят стол и несколько стульев. На стуле сидит Офицер в весьма необычном

современном мундире. Он качается на стуле, колотя саблей по столу.

Дочь (подходит к Офицеру и осторожно берет у него из руки саблю). Не надо так! Не надо!

Офицер. Агнес, милая, пожалуйста, не отнимай у меня саблю!

Дочь. Нет, иначе ты разрубишь стол! (Отцу.) Ступай в сбруйную и вставь стекло, увидимся позднее!

Стекольщик уходит.

Дочь. Ты в плену у своих комнат, я пришла тебя освободить!

Офицер. Я ждал этого, но не был уверен, что ты захочешь.

Дочь. Замок крепок, о семи стенах, но... ничего, справимся!.. Ты хочешь или нет?

Офицер. Откровенно говоря, не знаю, ибо мне в любом случае будет больно! За любую радость в жизни приходится платить двойным страданием. Здесь тяжело, но, если я куплю сладкую свободу, буду страдать втройне. Агнес, пусть я буду страдать, только бы мне видеть тебя!

Дочь. Что ты видишь во мне?

Офицер. Красоту, которая есть гармония Вселенной. Линии твоего тела сравнимы лишь с орбитами Солнечной системы, с нежно звучащей струной, с вибрацией света. Ты дитя небес...

Дочь. И ты тоже!

Офицер. Почему же тогда я должен стеречь лошадей? Убирать конюшни и вывозить солому?

Дочь. Чтобы ты мечтал отсюда выбраться!

Офицер. Я мечтаю, но выбраться отсюда так трудно!

Дочь. Но стремиться обрести свет свободы — это долг!

Офицер. Долг? Жизнь никогда не признавала долгов по отношению ко мне!

Дочь. Ты считаешь себя обиженным жизнью?

Офицер. Да! Она была несправедлива...

Теперь слышны голоса из-за ширмы-перегородки, которая сразу же вслед за этим убирается.

Офицер и Дочь заглядывают туда и застывают, точно окаменев.

За столом сидит Мать, она больна. Перед ней сальная свеча, с которой она время от времени снимает щипчиками нагар. На столе лежат стопки готовых

рубаш, она их метит гусиным пером и чернилами.

Слева — коричневый платяной шкаф.

Отец (появляясь, протягивает шелковую мантилью, мягко). Ты не хочешь ее взять?

Мать. Шелковая мантилья — мне? Зачем она мне, друг мой, ведь я скоро умру!

Отец. Ты веришь тому, что говорит доктор?

Мать. И тому, что он говорит, тоже, но больше всего внутреннему голосу.

Отец (печально). Значит, это серьезно?.. И ты прежде всего думаешь о детях!

Мать. В них моя жизнь! Мое оправдание... моя радость и мое горе...

Отец. Кристин, прости меня... за все!

Мать. За что? Прости ты меня, дорогой: мы мучили друг друга, почему? Мы не знаем! Не могли по-другому!.. Кстати, вот новое белье для детей... Следи, чтобы они меняли его два раза в неделю, по средам и воскресеньям, и чтобы Лувиса мыла их... все тело... Ты уходишь?

Отец. Мне нужно к одиннадцати быть в коллегии!

Мать. Прежде чем уйдешь, попроси Альфреда зайти ко мне!

Отец (указывает на Офицера). Милочка, да вот же он стоит!

Мать. Подумать только, я уже и видеть плохо стала... да, темнеет... *(Снимает нагар со свечи.)*
Альфред! Подойди!

Отец, кивнув на прощание, уходит прямо сквозь стену.

Офицер подходит к Матери.

Мать. Кто эта девушка?

Офицер (шепотом). Это Агнес!

Мать. О, так это Агнес? Знаешь, что говорят?..
Что она дочь бога Индры, она попросила
отпустить ее на землю, чтобы узнать, как
живется людям... Молчи, не говори ничего!..

Офицер. Значит, она дитя Божье!

Мать (громко). Милый Альфред, скоро я
покину тебя и твоих сестер и братьев...
И хочу кое-что сказать тебе на прощание!

Офицер (печально). Говори, матушка!

Мать. Лишь одно: никогда не перечь Богу!

Офицер. Что ты имеешь в виду, матушка?

Мать. Ты не должен чувствовать себя
обиженным жизнью.

Офицер. Но если со мной обращаются несправедливо...

Мать. Ты намекаешь на тот случай, когда тебя несправедливо наказали за то, что ты якобы взял монетку, а она потом нашлась!

Офицер. Да! И из-за этой несправедливости вся моя жизнь пошла вкривь и вкось...

Мать. Вот как! Тогда подойди к шкафу...

Офицер (пристыженно). Значит, ты знаешь! Это...

Мать. «Швейцарский Робинзон»... За которого...

Офицер. Не говори больше ничего!..

Мать. За которого наказали твоего брата... а ведь это ты порвал и спрятал книгу!

Офицер. Подумать только, прошло уже двадцать лет, а шкаф все стоит... Мы ведь столько раз переезжали, и моя мать умерла десять лет назад!

Мать. Ну и что с того? Тебе непременно нужно задавать множество вопросов и тем самым портить себе радость жизни!.. Смотри-ка, Лина!

Лина (входит). Милая госпожа, от души вас благодарю, но я не могу идти на крестины...

Мать. Почему же, дитя мое?

Лина. Мне нечего надеть!

Мать. Вот, возьми мою мантилью!

Лина. Нет-нет, Бог с вами, как можно!

Мать. Я не понимаю тебя! Мне больше уж в гости не ходить...

Офицер. Что скажет отец? Это ведь его подарок...

Мать. Какая мелочность...

Отец (всовывает голову). Ты собираешься одолжить мой подарок служанке?

Мать. Не говори так... вспомни, я тоже когда-то была служанкой... зачем обижать того, кто ни в чем не провинился?

Отец. Зачем же ты обижаешь меня, твоего супруга?..

Мать. Ох, что за жизнь! Стоит совершить хороший поступок, как тут же находится кто-то, кому это не по вкусу... сделаешь добро одному, а другому это приносит зло. Ох, что за жизнь!
(Снимает нагар со свечи, свеча гаснет. На сцене становится темно, выдвигается ширма.)

Дочь. Жалко людей!

Офицер. Ты считаешь?

Дочь. Да, жизнь трудна, но любовь побеждает все! Пойдем посмотрим!

Идут к заднику.

Задник поднимается; теперь виден новый задник, представляющий собой жуткий обшарпанный брандмауэр. В центре его ворота, открывающиеся в коридор, который ведет на зеленую светлую площадку, где возвышается колоссальный синий аконит. Слева от ворот сидит Привратница, голова и плечи которой укрыты шалью; она вяжет крючком звездное покрывало. Справа — афишная доска, которую сейчас чистит Расклейщик афиш; возле него лежит сачок для ловли рыбы с зеленой ручкой. Подальше справа — дверь с отверстием в форме четырехлистника. Слева от ворот стоит тоненькая липа, с угольно-черным стволом и редкими зелеными листиками, возле — окошко погреба.

Дочь (подходит к Привратнице). Звездное покрывало еще не готово?

Привратница. Нет, дружок; двадцать шесть лет для такой работы ничто!

Дочь. А жених так и не вернулся?

Привратница. Нет, но то не его вина.

Он вынужден был уйти... бедняжка;
тридцать лет уж минуло!

Дочь (Расклеицику афиш). Она ведь была
балериной, там, в Оперном театре?

Расклеицик афиш. Она была номер
один... но он уехал — и вроде как бы забрал с
собой ее танец... с тех пор ей не давали партий...

Дочь. Все ропщут... не глазами, так голосом...

Расклеицик афиш. Я не особо ропщу...
теперь, когда у меня есть сачок и зеленый
садок!

Дочь. И вы счастливы?

Расклеицик афиш. Счастлив, очень... это
была мечта моей молодости... и вот она
осуществилась, правда, мне уже исполнилось
пятьдесят...

Дочь. Пятьдесят лет за сачок и садок...
Расклеицик афиш. Зеленый садок, зеленый...

Дочь (Привратнице). Дайте мне вашу шаль,
позвольте посидеть здесь, посмотреть на детей
человеческих! А вы стойте сзади и объясняйте!
(Накидывает шаль и садится у ворот.)

Привратница. Сегодня последний день,
опера закрывается... сейчас они узнают,
получили ли ангажемент...

Дочь. А те, кого не возьмут?

Привратница. Господи Иисусе, такое видеть... я закрываю лицо шалью...

Дочь. Бедные люди!

Привратница. Смотрите, вон идет одна из них!.. Ее среди избранных нет... Смотрите, как она рыдает...

Справа в ворота вбегает Певица, прижимая к глазам платок, на миг останавливается в коридоре, прислонив голову к стене, потом быстро исчезает.

Дочь. Жалко людей!

Привратница. Но взгляните сюда — вот как выглядит счастливый человек!

Из коридора через ворота выходит Офицер в рединготе, в цилиндре и с букетом роз в руке. Сияющий, веселый.

Привратница. Он женится на фрекен Виктории!..

Офицер (на авансцене, смотрит вверх, поет).
Виктория!

Привратница. Фрекен сейчас придет!

Офицер. Прекрасно! Коляска ждет, стол накрыт, шампанское положено в лед...
Разрешите мне обнять вас, сударыни.
(*Обнимает Дочь и Привратницу. Поет.*) Виктория!

Женский голос (сверху, поет). Я здесь!

Офицер (начинает ходить взад и вперед).
Ладно! Я подожду!

Дочь. Ты меня знаешь?

Офицер. Нет, я знаю лишь одну женщину...
Викторию! Семь лет я хожу здесь, поджидая ее...
после полудня, когда солнце задевает
своим краем дымоходы, и вечером, когда
опускается ночной мрак... Поглядите на асфальт,
и вы увидите следы, оставленные верным
любовником! Ура! Она моя! (*Поет.*) Виктория!
(*Ответа нет.*) Она одевается! (*Расклейщику афиш.*)
У вас, как я погляжу, сачок! В опере все
обожают сачки... или, вернее сказать, рыбок!
Немых рыбок, ибо они не умеют петь...
Сколько стоит такая штукавина?

Расклейщик афиш. Да порядочно!

Офицер (поет). Виктория!.. (*Трясет лину.*)
Смотрите, опять зазеленела! В восьмой раз!..
(*Поет.*) Виктория!.. Она причесывается!..
(*Дочери.*) Послушайте, сударыни, позвольте мне

подняться за моей невестой!..

Привратница. На сцену вход воспрещен!

Офицер. Семь лет я хожу здесь! Триста шестьдесят пять, помноженное на семь, будет две тысячи пятьсот пятьдесят пять!
(*Останавливается и ковыряет пальцем дверь с четырехлистником.*) ...И эту дверь я видел две тысячи пятьсот пятьдесят пять раз, так и не узнав, куда она ведет! И этот четырехлистник, проделанный, чтобы пропускать свет... пропускать свет — для кого? Есть там кто-нибудь? Живет кто-нибудь за этой дверью?

Привратница. Не знаю! Ни разу не видела, чтобы ее открывали!

Офицер. Она похожа на дверь кладовки, которую я видел, когда моя няня по воскресеньям брала меня, четырехлетнего, с собой в гости! В гости, в другие семьи, к другим няням, но меня никогда не пускали дальше кухни, и я сидел между бочкой с водой и ларем с солью; сколько кухонь я повидал на своем веку, а кладовки всегда располагались в прихожей, и в дверях были проверчены дырочки, круглые и в форме четырехлистника!.. Но в опере ведь не может быть кладовки, у них же нет кухни! (*Поет.*) Виктория!.. Послушайте, сударыня, она же не могла уйти другим ходом?

Привратница. Не могла, другого хода нет!

Офицер. Прекрасно, тогда я не пропущу ее!

*Из театра торопливо выходят служащие театра,
Офицер внимательно оглядывает каждого.*

Офицер. Теперь она должна скоро появиться!..
Сударыня! Этот громадный аконит
вон там! Я его помню с детства... Это что, тот
же самый?.. Помню, в одной пасторской усадьбе,
мне было семь... лепестки словно два голубка,
два синих голубка... но в тот раз... прилетела
пчела и забралась в лепестки... и я подумал:
сейчас я тебя поймаю! И сжал цветок; а пчела
укусила меня сквозь лепестки, и я заплакал... а
потом пришла пасторша и приложила к ранке
влажную землю... а на ужин нам дали землянику
с молоком!.. Мне кажется, уже смеркается.
Куда уходит расклейщик афиш?

Расклейщик афиш. Домой, вечерять.

Офицер (закрывает глаза рукой). Вечерять?
В такой ранний час? Послушайте-ка!..
Позвольте мне войти на минутку и позвонить
по телефону в «растущий замок».

Дочь. Что тебе там нужно?

Офицер. Сказать стекольщику, чтобы он
вставил двойные стекла, ведь скоро зима, а я
ужасно мерзну! (*Входит в привратническую.*)

Дочь. Кто такая фрекен Виктория?

Привратница. Его возлюбленная!

Дочь. Хороший ответ! Ему нет дела, кто она для нас и для других! Главное, кто она для него!

Резко темнеет.

Привратница (зажигает фонарь). Сегодня быстро вечереет!

Дочь. Для богов год словно минута!

Привратница. А для людей минута может быть словно год!

Офицер (выходит. Он весь в пыли, розы завяли).
Она еще не пришла?

Привратница. Нет!

Офицер. Придет, непременно придет!.. Она придет непременно! (*Ходит взад и вперед.*) И верно, пожалуй, все-таки разумнее всего отменить обед!.. Поскольку уже вечер... Да, так и сделаю! (*Входит внутрь и звонит.*)

Привратница (Дочери). Ну а теперь, пожалуйста, отдайте мне шаль!

Дочь. Нет, мой друг, ты свободна; я буду вместо тебя нести службу... ибо я хочу узнать

людей и жизнь, проверить, так ли она тяжела, как говорят.

Привратница. Но здесь, на посту, нельзя спать, ни в коем случае, ни днем, ни ночью...

Дочь. Даже ночью?

Привратница. Ну, тут уж как сумеешь, только сперва надобно на руку шнурок от звонка намотать... потому что по сцене ходят ночные сторожа, и они меняются каждые три часа...

Дочь. Но это же пытка...

Привратница. Это вы так полагаете, а мы до смерти рады такому месту, и если бы вы только знали, как мне завидуют...

Дочь. Завидуют? Завидуют тому, кого пытаются?

Привратница. Да!.. Но, понимаете, тяжелее всего, тяжелее ночного бдения и изнурительной работы, сквозняков, холода и сырости, — так вот, тяжелей всего выслушивать, как выпало на мою долю, доверительные излияния тех, наверху... Они приходят ко мне — почему? Быть может, в морщинах моего лица они читают вырезанные страданиями руны, которые располагают к доверительности... В этой шали, дружок, скрыты мои собственные тридцатилетние муки и муки других!..

Дочь. Какая она тяжелая, и жжется, как крапива...

Привратница. Поносите ее, коли вам того хочется... а когда тяжесть ее станет невыносимой, позовите меня, я приду и вас сменю!

Дочь. Прощай! То, что по силам вам, должна осилить и я!

Привратница. Увидим!.. Только будьте поласковее с моими маленькими друзьями, и да не устанете вы от их жалоб. *(Исчезает в коридоре.)*

Полное затемнение. В это время декорации меняются — липа облетела, синий аконит завял и почернел; когда сцена освещается, видно, что зелень в другом конце коридора стала по-осеннему бурой.

Офицер (выходит, когда светлеет. Теперь у него седые волосы и седая борода. Одежда потрепанная, пристежной воротничок черный, залоснившийся. Букет роз совсем облетел, видны одни стебли. Он ходит взад и вперед). Судя по всему, лето миновало, приближается осень... Я замечаю это вон по той липе и по акониту!.. *(Ходит.)* Но осень — для меня весна, потому что открывается театр! И она обязательно придет! Сударыня, пожалуйста, разрешите мне пока посидеть на этом стуле!

Дочь. Садитесь, друг мой, я могу постоять!

Офицер (садится). Мне бы только поспать немного, совсем другое дело было бы!.. *(На минуту засыпает, потом вскакивает и принимается ходить; останавливается у двери с четырехлистником, ковыряет ее пальцем.)* Эта дверь не дает мне покоя... Что там за ней?

Что-то должно быть! *(Сверху доносятся слабые звуки танцевальной музыки.)* Вот! Репетиции начались! *(Свет на сцене начинает мигать, как будто включили маяк.)* Что это? *(Скандирует в такт вспышкам света.)* Светло — темно, светло — темно!

Дочь (передразнивает). День — ночь, день — ночь!.. Всеблагое Провидение хочет сократить твоё ожидание! И потому убегают дни, прогоняя ночи!

Свет на сцене выравнивается. Входит Расклейщик афиш с сачком и рабочими принадлежностями.

Офицер. Это расклейщик афиш, с сачком... Рыбалка была удачной?

Расклейщик афиш. Вполне! Лето теплое, правда затянулось малость... и сачок хороший, хотя и не такой, как я думал...

Офицер (с ударением). «Не такой, как я думал»!.. Прекрасно сказано! Вокруг все не такое, как я думал!.. Ибо мысль важнее действия — выше дела... *(Ходит, колотя стеблями роз о стену так, что последние листики облетают.)*

Расклейщик афиш. Она все еще не спустилась?

Офицер. Еще нет, но скоро спустится!.. Вы не знаете, что там, за этой дверью?

Расклейщик афиш. Нет, ни разу не видел эту дверь открытой.

Офицер. Позвоню, вызову кузнеца, пусть

придет и откроет! (*Идет к телефону.*)

Расклейщик афиш наклеивает афишу и идет направо.

Дочь. Чем же сачок оказался нехорош?

Расклейщик афиш. Нехорош? Да вообще-то, он всем хорош, просто не такой, как я думал, потому и удовольствие было не такое большое...

Дочь. А каким вы представляли себе сачок?

Расклейщик афиш. Каким?.. Этого я сказать не могу...

Дочь. Позвольте, тогда я скажу!.. Вы представляли его себе не таким, каким он оказался! Он должен был быть зеленым, но не такого зеленого цвета!

Расклейщик афиш. Вы это знаете, госпожа! Вы знаете все — поэтому-то все и идут к вам со своими заботами... Ежели бы вы захотели и меня разок выслушать...

Дочь. С удовольствием... Идите сюда и излейте мне свое сердце...

Она заходит в привратницкую, Расклейщик афиш стоит у окна и рассказывает.

Вновь полное затемнение; потом светлеет, теперь

*липа опять зазеленела, цветет аконит, солнце освещает
зелень в конце коридора.*

*Выходит Офицер; он превратился в седовласого старика
в рваной одежде, стоптанных башмаках;
в руке стебли роз. Ходит взад и вперед, медленно,
по-стариковски. Читает афишу.*

Справа появляется Балерина.

Офицер. Фрекен Виктория ушла?

Балерина. Нет, не ушла!

Офицер. Тогда я подожду! Она ведь скоро
спустится?

Балерина (серьезно). Обязательно!

Офицер. Не уходите, сейчас вы увидите,
что за этой дверью, я послал за кузнецом!

Балерина. Дверь откроют! Интересно-то
как! Дверь и «растущий замок», вы знаете
«растущий замок»?

Офицер. Знаю ли я? Я был его узником.

Балерина. Ой, правда? А почему у них
там столько лошадей?

Офицер. Это же замок-конюшня...

Балерина (с болью). Какая же я дура!
Сама не могла сообразить!

Справа появляется Хорист.

Офицер. Фрекен Виктория ушла?

Хорист (серьезно). Нет, не ушла! Она никогда не уйдет!

Офицер. Это потому, что она любит меня!.. Не уходите, сейчас придет кузнец и откроет эту дверь.

Хорист. Да что вы, откроют дверь! Как здорово!.. Мне только нужно кое-что спросить у привратницы.

Справа выходит Суфлер.

Офицер. Фрекен Виктория ушла?

Суфлер. Насколько я знаю, нет!

Офицер. Вот видите! Разве я не говорил, что она меня ждет! Не уходите, сейчас дверь откроют.

Суфлер. Какую дверь?

Офицер. Разве здесь есть еще двери?

Суфлер. А, знаю — ту, с четырехлистником!.. Я непременно останусь! Только сперва поговорю с привратницей!

Балерина, Хорист, Суфлер, сбившись в группу вместе с Расклещиком афиш у окна Привратницы, по очереди говорят с Дочерью. Из ворот появляется Стекольщик.

Офицер. Вы кузнец?

Стекольщик. Нет, кузнец отправился с визитами, но стекольщик справится не хуже.

Офицер. Ну да, разумеется... разумеется, а алмаз у вас с собой?

Стекольщик. Конечно! Разве бывают стекольщики без алмаза?

Офицер. Не бывают! Ну, тогда приступим к делу! *(Хлопает в ладоши.)*

Все собираются вокруг двери. Справа к ним присоединяются хористы в костюмах мейстерзингеров и статистки в костюмах танцовщиц из «Аиды».

Офицер. Кузнец — или стекольщик, приступайте к своим обязанностям!

Вперед выходит Стекольщик с алмазом.

В жизни не часто бывают подобные мгновения, поэтому, дорогие друзья, прошу вас... хорошенько поразмыслить...

Полицейский (выходит вперед). Именем закона я запрещаю открывать эту дверь!

Офицер. О Господи, стоит захотеть сделать что-то полезное и великое, как сразу же начинаются неприятности!.. Но мы будем судиться!.. Итак, к адвокату! Посмотрим, существуют ли законы! К адвокату!

Сцена превращается при открытом занавесе в адвокатскую контору следующим образом: ворота остаются и служат дверцей в пересекающей всю сцену перегородке, отгораживающей контору. Привратниц-кая превращена в рабочий закуток адвоката, только без стены впереди; облетевшая липа служит вешалкой для пальто и шляп; афишная доска увешана извещениями и решениями по судебным делам; дверь с четырехлистником является дверцей шкафа для документов.

Адвокат во фраке и белом шейном платке сидит слева с внутренней стороны ворот за конторкой, заваленной бумагами. На его лице печать неслыханных страданий: белое, словно меловое, лицо, прорезанное морщинами, с тенями, которые кажутся фиолетовыми; он уродлив, и лицо отражает все те преступления и грехи, с которыми он сталкивается по роду своей профессии. Один из его двух писцов днорукий, другой — одноглазый.

Люди, собравшиеся лицезреть «открытие двери», остались на прежнем месте, но теперь как бы ожидая очереди к Адвокату; впечатление такое, словно они все время здесь стоят.

Дочь (в шали) и Офицер на переднем плане.

Адвокат (подходит к Дочери). Дай мне твою шаль, сестра... пусть она повисит здесь, пока я не разведу огонь в печи; а потом я сожгу ее, со всеми ее горестями и несчастьями...

Дочь. Еще рано, брат, сначала я наполню ее до краев, и прежде всего соберу твою боль, все доверенные тебе признания в преступлениях, грехах, неправедных заработках, оговорах, оскорблениях...

Адвокат. Ах, дружок, на это твоей шали не хватит! Посмотри на эти стены: обои точно вымазаны грехами; посмотри на эти бумаги, где я сочиняю истории о несправедливостях; посмотри на меня... Сюда никогда не заглядывает улыбающийся человек — лишь злобные взгляды, ощеренные рты, сжатые кулаки... И все изливают мне свою злобу, свою зависть, свои подозрения... Посмотри, мои руки черны, их нельзя отмыть, ты видишь, как они потрескались и кровоточат... я ношу платье не больше двух-трех дней, ибо оно начинает вонять чужими преступлениями... Иногда я велю окуривать помещение серой, но это не помогает; я сплю здесь рядом, и мне снятся только преступления... Сейчас у меня в суде низшей инстанции рассматривается дело об убийстве... это еще ничего — знаешь, что хуже всего?... Разводить супругов! Тогда словно кричит земля и вопиет небо... криком кричат о предательстве первобытной силы, источника добра, любви... И понимаешь, когда, исписав горы бумаг их взаимными обвинениями, ты наконец, преисполненный любви, приглашаешь

одного из супругов для разговора с глазу на глаз и, ущипнув его или ее за ушко, с улыбкой спрашиваешь: а что, собственно, вы имеете против вашего супруга — или супруги, она — или он — не может сказать ничего, не знает причины! Один раз... речь зашла о зеленом салате, другой — о каком-то слове, а чаще всего ни о чем. Зато какие муки, какие страдания! И мне приходится их нести!.. Посмотри, на кого я похож! Ты думаешь, я способен — с такой-то преступной внешностью — вызвать ответную любовь женщины? Думаешь, кто-нибудь захочет стать моим другом, другом человека, который обязан взыскивать все долги города, денежные долги?.. Горько быть человеком!

Дочь. Жалко людей!

Адвокат. Жалко! А на какие средства люди живут — для меня полнейшая загадка! Они женятся, имея доход в две тысячи крон, хотя им требуется четыре... разумеется, берут в долг, все берут в долг! Еле сводят концы с концами, выкручиваясь до самой смерти... и наследство всегда оказывается опутано долгами! Кто же в конце концов будет их платить, скажи, кто?

Дочь. Тот, Кто питает птиц!

Адвокат. Да! Но если бы Тот, Кто питает птиц, сошел на Свою землю и посмотрел, каково приходится бедным детям человеческим, может быть, он проникся бы состраданием...

Дочь. Жалко людей!

Адвокат. Воистину! (Офицеру.) Чего вы желаете?

Офицер. Я хотел лишь спросить, ушла ли фрекен Виктория!

Адвокат. Нет, не ушла, можете быть совершенно спокойны... Зачем вы ковыряете мой шкаф?

Офицер. Мне показалось, что дверь так похожа...

Адвокат. Нет, нет, нет!

Слышится перезвон церковных колоколов.

Офицер. В городе похороны?

Адвокат. Нет, торжественное присуждение степени, докторской степени. Мне как раз нужно туда, получить степень доктора юриспруденции. Нет ли у вас желанья получить степень и лавровый венок?

Офицер. А почему бы и нет? Все развлечение...

Адвокат. Тогда, может быть, сразу и приступим к торжественному акту? Только идите и переоденьтесь!

Офицер выходит. На сцене затемнение, во время которого происходят следующие изменения: перегородка теперь представляет собой балюстраду церковных хоров; афишная

доска становится доской для вывешивания номеров псалмов; липа-вешалка превращается в канделябр; конторка Адвоката — в кафедру для оглашения торжественного акта; дверь с четырехлистником теперь ведет в ризницу... Хористы из «Мейстерзингеров» представляют герольдов с жезлами, а статистки несут лавровые венки.

Прочий народ — зрители.

Задник поднимается, открывая новый, представляющий собой один огромный орган с клавиатурой, над которой укреплено зеркало. Слышится музыка.

По сторонам — четыре факультета: философия, теология, медицина, юриспруденция. Сцена какое-то время пуста.

Справа появляются герольды.

За ними шествуют статистки с лавровыми венками на вытянутых руках.

Слева один за другим выходят три соискателя, получают венок из рук статисток и выходят направо.

Адвокат подходит получить венок.

Статистки поворачиваются, отказываясь возлагать на него венок, и удаляются.

Адвокат, потрясенный, прислоняется к колонне.

Все расходятся.

Адвокат остается один.

Дочь (входит, голова и плечи укутаны белым покрывалом). Видишь, я постирала шаль... Но почему ты стоишь здесь? Ты не получил венок?

Адвокат. Нет, я оказался недостойным.

Дочь. Почему? Потому что ты защищал бедняков, заступался за преступника, облегчал бремя виновному, добивался отсрочки осужденному?..

О, горе людям... они не ангелы; но их жалко.

Адвокат. Не говори плохо о людях, ведь я их защищаю...

Дочь (прислонившись к органу). Почему они бьют своих друзей в лицо?

Адвокат. Они не умеют иначе!

Дочь. Давай же просветим их! Хочешь? Вместе со мной!

Адвокат. Они не приемлют просвещения!.. О, если бы наши жалобы достигли богов на небесах...

Дочь. Они достигнут трона!.. *(Становится рядом с органом.)* Знаешь, что я вижу в этом зеркале?.. Правильный мир!.. Да, ибо сам по себе он вывернут наизнанку!

Адвокат. Каким образом его вывернули наизнанку?

Дочь. Когда делали копию...

Адвокат. Вот ты и произнесла это слово! Копия... Я всегда подозревал, что это плохая копия... и когда начал припоминать первообразы, все мне стало не по душе... Люди называли это недовольством, осколками сатанинского зеркала и еще бог знает как...

Дочь. Ну разве это не безумие? Посмотри на эти четыре факультета!.. Правительство,

охраняющее общество, вознаграждает все
четыре: теологию, учение о Боге, которое вечно
подвергается нападкам и насмешкам со стороны
философии, выдающей себя за самую мудрость!
И медицину, которая вечно отвергает
философию, а теологию не признает за науку,
называя ее суеверием... И все они сидят в одной
и той же консистории, которая должна научить
молодежь почтению — к университету.
Это ведь сумасшедший дом! И горе тому,
кто первым поумнеет!

Адвокат. Первыми прозревают богословы.
Они сперва изучают философию, которая
учит их, что теология — нонсенс; потом из
курса теологии узнают, что философия —
нонсенс! Безумцы, верно?

Дочь. И еще юриспруденция, слуга всех,
кроме самих слуг!

Адвокат. Справедливость, которая, желая
быть справедливой, убивает того, кто ее ищет!..
Правосудие, которое так часто вершит неправый суд!

Дочь. Что вы с собой сделали, дети человеческие!
Дети! Иди сюда, я возложу на тебя венок...
он больше тебе к лицу! (*Надевает ему на голову
терновый венец.*) А сейчас я для тебя сыграю!
(*Садится за орган и начинает играть «Кирие»;*
но вместо звуков органа слышатся человеческие голоса.)

Детские голоса. Вечный! Вечный!
(*Последний звук повисает в воздухе.*)

Женские голоса. Помилуй! (*Последний*

звук повисает в воздухе.)

Мужские голоса (тенора). Спаси нас милостью своей! (Последний звук повисает в воздухе.)

Мужские голоса (басы). Пощади детей своих, Господи, не гневайся на нас!

Все. Помилуй! Услышь нас! Сострадания к смертным! Вечный, отвержены мы от очей Твоих! Из глубины взываем: помилуй, Вечный! Не отягощай бремени детей Твоих! Услышь нас! Услышь нас!

На сцене становится темно. Дочь встает, приближается к Адвокату. Орган с помощью изменения освещения превращается в пещеру Фингала. Под базальтовыми колоннами плещется море, наполняя пространство звуками волн и ветра.

Адвокат. Где мы, сестра?

Дочь. Что слышишь ты?

Адвокат. Слышу, как падают капли...

Дочь. Это слезы: когда люди плачут... Что еще ты слышишь?

Адвокат. Вздохи... вой... стенания...

Дочь. Сюда добрались жалобы смертных... не дальше. Но почему эти вечные жалобы? Разве в жизни нет радостей?

Адвокат. Есть, и самая из них сладостная, но в то же время самая горькая — любовь! Супруга и дом! Самое высокое и самое низменное!

Дочь. Я хочу ее испытать!

Адвокат. Со мной?

Дочь. С тобой! Ты знаешь подводные рифы, камни преткновения, да минуем мы их!

Адвокат. Я беден!

Дочь. Что из того, если мы любим друг друга? А малая толика красоты ничего не стоит!

Адвокат. А если мне не по душе то, что дорого тебе?

Дочь. Притремся!

Адвокат. А если мы падем духом?

Дочь. Появится ребенок и подарит нам утешение!

Адвокат. Ты, ты согласна принять меня, нищего уроды, презираемого и отвергнутого?

Дочь. Да! Соединим же наши судьбы!

Адвокат. Да будет так!

Очень просто обставленная комната за адвокатской конторой. Справа широкая двуспальная кровать под балдахин; рядом окно. Слева железная печка с кастрюлями. Кристин заклеивает внутренние рамы. На заднем плане — открытая дверь в контору; в проеме видны бедно одетые люди, ждущие приема.

Кристин. Я клею, я клею!

Дочь (бледная, исхудавшая, сидит у печки). Ты закрываешь доступ воздуху! Я задыхаюсь!..

Кристин. Осталась лишь одна маленькая щелочка!

Дочь. Воздуха, воздуха, мне нечем дышать!

Кристин. Я клею, я клею!

Дочь. О, ты словно рот мне заклеиваешь!

Адвокат (стоит в двери с какой-то бумагой в руке). Ребенок заснул?

Дочь. Да, наконец-то!

Адвокат (мягко). Этот крик распугивает моих клиентов!

Дочь (дружелюбно). Что же делать?

Адвокат. Ничего!

Дочь. Надо снять квартиру побольше!

Адвокат. У нас нет денег!

Дочь. Можно, я открою окно? Я задыхаюсь от этого спертого воздуха!

Адвокат. Тогда тепло уйдет, и мы будем мерзнуть!

Дочь. Ужасно!.. А пол помыть там можно?

Адвокат. Тебе мыть пол не под силу, мне тоже, а Кристин должна заклеивать окна. Она заклеит весь дом, каждую щелочку, на потолке, в полу, в стенах!

Дочь. К бедности я была готова, но не к грязи!

Адвокат. Бедность всегда относительно грязна!

Дочь. Это тяжелее, чем я себе представляла!

Адвокат. Многие живут куда хуже! У нас еще в кастрюле есть еда!

Дочь. Но что это за еда?..

Адвокат. Капуста дешева, питательна и вкусна!

Дочь. Для того, кто любит капусту! Мне она противна!

Адвокат. Почему же ты об этом не сказала?

Дочь. Потому, что любила тебя! И хотела

пожертвовать своим вкусом!

Адвокат. В таком случае я обязан пожертвовать ради тебя моей любовью к капусте! Жертвы должны быть взаимными!

Дочь. Что же мы будем есть? Рыбу? Но ты ненавидишь рыбу.

Адвокат. И она дорого стоит!

Дочь. Я не думала, что будет так трудно!

Адвокат (дружелюбно). Видишь, как это нелегко!.. И ребенок, который должен был стать нашей связующей нитью, нашим благословением!.. приведет нас к гибели!

Дочь. Любимый! Я умру в этом воздухе, в этой комнате, выходящей на задний двор, от бесконечных детских криков, по многу часов, без сна, от этих людей там, снаружи, их стонов, ссор и обвинений... Я умру здесь!

Адвокат. Бедный мой цветок, без света, без воздуха...

Дочь. И ты утверждаешь, будто многим приходится еще хуже!

Адвокат. В нашем квартале я один из тех, кто вызывает зависть.

Дочь. Все было бы ничего, если б я могла как-то украсить наш дом!

Адвокат. Я знаю, ты имеешь в виду какой-нибудь цветок, лучше всего гелиотроп, но он стоит одну крону пятьдесят эре, это шесть литров молока или пуд картофеля.

Дочь. Я предпочту голодать, лишь бы иметь цветок.

Адвокат. Существует красота, которая не стоит ничего, и ее отсутствие особенно мучительно для человека с чувством прекрасного!

Дочь. Что же это?

Адвокат. Если я скажу, ты рассердишься!

Дочь. Мы договорились не сердиться!

Адвокат. Мы договорились... Все можно стерпеть, Агнес, кроме отрывистого, резкого тона... тебе он знаком? Пока нет!

Дочь. Мы никогда его не услышим!

Адвокат. От меня никогда!

Дочь. Говори же!

Адвокат. Видишь ли, входя в дом, я прежде всего смотрю, как висят шторы...
(Подходит к окну и поправляет штору.) Если они напоминают веревку или тряпку... я быстро уйду!.. Потом я бросаю взгляд на стулья — если они стоят как должно, я остаюсь!..
(Придвигает стул к стене.) После чего смотрю на

свечи в подсвечниках... Если они покосились, значит, покосился весь дом! (*Поправляет свечу на комод.*) Именно такая красота, мой дружочек, ничего не стоит!

Дочь (опустив голову). Не таким резким тоном, Аксель!

Адвокат. Вовсе он не резкий!

Дочь. Конечно резкий!

Адвокат. Вот как, черт подери!..

Дочь. Что за выражения!

Адвокат. Прости, Агнес! Но я страдаю от твоей безалаберности столь же сильно, как ты от грязи! А сам я не решаюсь взяться за уборку, потому что тогда ты рассердишься, словно бы я тебя упрекаю... уф! Давай закончим!

Дочь. Ужасно трудно жить в браке... труднее всего на свете! Мне кажется, для этого нужно быть ангелом!

Адвокат. Мне тоже так кажется!

Дочь. Мне кажется, я начинаю тебя ненавидеть после этого!

Адвокат. Тогда горе нам!.. Но давай предотвратим ненависть! Обещаю больше не делать замечаний по поводу уборки... хотя это для меня пытка!

Дочь. А я буду есть капусту, хотя это для меня мука!

Адвокат. Значит, жизнь в совместных мучениях?!
Одному наслаждение — другому страдание!

Дочь. Жалко людей!

Адвокат. Ты поняла это?

Дочь. Поняла, но давай, ради бога, постараемся обходить подводные камни, теперь, когда мы так хорошо их узнали!

Адвокат. Давай! Мы гуманные, просвещенные люди, мы умеем прощать и проявлять снисходительность!

Дочь. Мы умеем с улыбкой относиться к мелочам!

Адвокат. Мы, только мы умеем это!.. Знаешь, что я прочитал сегодня в «Утре»!.. Кстати, а где газета?

Дочь (смущенно). Какая газета?

Адвокат (сурово). Разве я выписываю несколько?

Дочь. Улыбнись же! Не говори так сурово...
Я твоей газетой развела огонь...

Адвокат (взрывается). Черт подери!

Дочь. Улыбнись же!.. Я сожгла ее, потому что в ней издеваются над тем, что для меня свято...

Адвокат. А для меня совсем не свято!
Ха... *(Хлопает руками, вне себя.)* Я должен улыбаться,
улыбаться во весь рот... я должен быть
гуманным и держать при себе свое мнение,
соглашаться со всем, поджимать хвост и
лицемерить! Значит, ты сожгла мою газету!
Так-так! *(Вешает конец шторы на столбик кровати.)*
Ладно же! Вот, я начинаю убираться, и ты опять
разозлишься!.. Агнес, это просто невозможно!

Дочь. Конечно невозможно!

Адвокат. А мы все равно должны терпеть,
не ради клятвы, а ради ребенка!

Дочь. Ты прав! Ради ребенка! О!.. О!.. Мы
должны терпеть!

Адвокат. А сейчас мне нужно идти к клиентам!
Слышишь, как они бурлят от нетерпения
разорвать друг друга, довести друг друга до
штрафов и тюрьмы... мятущиеся духи...

Дочь. Бедные, бедные люди! А она все клеит!
(В немом отчаянии склоняет голову на грудь.)

Кристин. Я клею, я клею!

Адвокат, стоя у двери, нервно пытается открыть замок.

Дочь. О, как кричит замок, словно ты сжимаешь
пружины моего сердца...

Адвокат. Сжимаю, сжимаю...

Дочь. Перестань!

Адвокат. Я сжимаю...

Дочь. Нет!

Адвокат. Я...

Офицер (из конторы, беретя за замок).
Разрешите!

Адвокат (отпускает замок). Прошу вас!
Поскольку вы получили докторскую степень!

Офицер. Теперь передо мной вся жизнь!
Все дороги открыты, Парнас преодолен, лавры
завоеваны, бессмертие, слава — все мое!

Адвокат. На что вы собираетесь жить?

Офицер. На что жить?

Адвокат. Вам же нужны жилье, одежда, пища?

Офицер. Как-нибудь образуется, был бы
лишь любящий человек рядом!

Адвокат. Представляю!.. Представляю!..
Клей, Кристин! Клей! Пока они не задохнутся!
(Выходит, пятясь и кивая.)

Кристин. Я клею, я клею! Пока они не задохнутся!

Офицер. Ты идешь со мной?

Дочь. Тотчас же! Но куда?

Офицер. В Бухту Красоты! Там лето, там сияет солнце, там молодежь, дети и цветы, песни и танцы, праздник и веселье!

Дочь. Тогда скорее туда!

Офицер. Идем!

Адвокат (входит опять). Вот... возвращаюсь в свой первый ад — этот был второй... и самый большой! Самое сладостное и есть самый большой ад... Так-так, опять она шпильки на полу разбросала!.. *(Собирает с пола.)*

Офицер. Подумать, даже шпильку заметил!

Адвокат. Даже?.. Посмотрите на нее! Дужки две, а шпилька одна! Две и одна! Если я ее выпрямлю, получится один предмет! Согну, будет два, оставаясь при этом одним! Это означает: двое составляют единое целое! Но если я сломаю ее — здесь! Теперь их две, две половинки! *(Ломает шпильку и выбрасывает обломки.)*

Офицер. Все увидел!.. Но прежде чем сломать, нужно развести дужки в стороны! Пока они сведены, шпилька цела!

Адвокат. А если они параллельны, то никогда

не встретятся — ни то ни се.

Офицер. Шпилька — совершеннейшая вещь на свете! Прямая линия, равная двум параллельным!

Адвокат. Замок, который запирает, когда открыто!

Офицер. Закалывает распущенную косу, остающуюся распущенной, когда ее закалывают...

Адвокат. Похоже на эту дверь! Закрывая ее, я открываю путь наружу для тебя, Агнес!
(Удаляется и закрывает за собой дверь.)

Дочь. Итак?

Декорация меняется. Кровать под балдахином превращается в палатку; железная печка остается; задник поднимается; на переднем плане справа видны выжженные горы, покрытые красным вереском и черно-белыми пнями после лесного пожара; красные свинарники и сараи. Внизу — открытая площадка для занятий лечебной гимнастикой, где люди тренируются на снарядах, напоминающих пыточные инструменты. Слева на переднем плане — часть открытого сарая, пристроенного к карантинному барaku, с печами, котлами и трубами.

Средний план — пролив. На заднем плане живописный берег с лиственными деревьями, украшенными флагами причалами, у которых пришвартованы белые яхты, на некоторых из них подняты паруса. Сквозь зеленые кроны виднеются маленькие итальянские виллы, павильоны, киоски, мраморные статуи.

*По берегу идет Начальник карантина,
выряженный мавром.*

*Офицер (подходит и пожимает руку).
Гляди-ка, Урдстрём! Как тебя сюда занесло?*

Начальник карантина. Да, вот он я!

Офицер. Это Бухта Красоты?

*Начальник карантина. Нет, Бухта Красоты
напротив, а это Пролив Стыда!*

Офицер. Значит, мы заблудились!

*Начальник карантина. Мы? Ты меня
не представишь?*

*Офицер. Нельзя! (Понизив голос.) Ведь это
дочь самого Индры!*

*Начальник карантина. Индры? Я думал,
самого Варуны!.. Ну а тебя не удивляет
мое черное лицо?*

*Офицер. Сын мой, мне уже пятьдесят, в
таком возрасте больше ничему не удивляются!
Я сразу же предположил, что ты вечером
идешь на маскарад!*

*Начальник карантина. Совершенно
верно! Надеюсь, вы присоединитесь?*

*Офицер. Непременно... ибо... местечко
это... малопривлекательное!.. Что за люди здесь
обитают?*

Начальник карантина. Здесь живут больные, а по другую сторону здоровые!

Офицер. Так здесь, стало быть, только бедняки?

Начальник карантина. О нет, дитя мое, богачи! Посмотри на того, что лежит на деревянной кобыле! Он съел столько гусиной печенки с трюфелями и выпил столько бургундского, что у него расслоились ступни!

Офицер. Расслоились?

Начальник карантина. Косослойные ступни!.. А тот, на гильотине, — он пил столько «Хеннесси», что ему приходится утюжить позвоночник!

Офицер. Куда ни кинь, всюду клин!

Начальник карантина. Впрочем, всем, кто живет на этой стороне, есть что скрывать! Посмотри, например, на вон того!

На сцену вкатывают старого франта в инвалидной коляске, его сопровождает худая, уродливая кокетка шестидесяти лет, одетая по последней моде, со своим ухажером, сорокалетним «другом».

Офицер. Это же майор! Наш школьный товарищ!

Начальник карантина. Дон Жуан! Поверишь, он по-прежнему влюблен в это привидение, что идет рядом. Не замечает, что она постарела,

что она уродлива, вероломна и жестока!

Офицер. Вот это любовь! Никогда бы не подумал, что этот ветреник способен так глубоко и серьезно любить!

Начальник карантина. Ничего себе поворот!

Офицер. Я сам любил Викторию... да что там, я до сих пор хожу по коридору, поджидая ее...

Начальник карантина. Так это ты ходишь по коридору?

Офицер. Я!

Начальник карантина. Ну а дверь-то уже открыли?

Офицер. Нет, все еще судимся... Расклейщик афиш, конечно же, на рыбалке с сачком, так что свидетельские показания задерживаются... а в это время стекольщик вставил стекла в замке, который вырос на пол-этажа... Удачный год нынче выдался... жаркий и влажный!

Начальник карантина. Но уж такой жары, как у меня, у вас все же не было!

Офицер. Какая температура у тебя в печах?

Начальник карантина. При дезинфекции по подозрению в холере — шестьдесят градусов.

Офицер. А что, опять холера разгулялась?
Начальник карантина. Ты разве не знаешь?..

Офицер. Разумеется, знаю, но я так часто забываю то, что знаю!

Начальник карантина. Частенько я мечтаю обладать способностью забывать, в первую очередь самого себя; поэтому и люблю маскарады, переодевания и домашние спектакли.

Офицер. Как же ты жил?

Начальник карантина. Поведай я об этом, скажут, будто я хвастаю, промолчи — назовут лицемером!

Офицер. Поэтому ты и чернишь себе лицо?

Начальник карантина. Да! Чуть чернее, чем я есть на самом деле!

Офицер. Кто это идет?

Начальник карантина. А, это поэт!
Идет принимать грязевую ванну!

Появляется Поэт, с возведенными к небу глазами и ведром грязи в руках.

Офицер. Господи, ему бы солнечную ванну, воздушную ванну!

Начальник карантина. Нет, он все время витает в высших сферах, поэтому скучает по грязи... от грязи кожа становится дубленой, как у свиней. После чего он не чувствует укуса слепней!

Офицер. Удивительный мир противоречий!

Поэт (в экстазе). Из глины сотворил бог
Птах человека на гончарном круге, на токарном
станке (*скептически*) или черт знает на чем!..
(*В экстазе.*) Из глины творит скульптор свои
более или менее бессмертные шедевры
(*скептически*), чаще всего дрянь! (*В экстазе.*)
Из глины создают эти столь нужные для кладовок
сосуды, под общим названием горшки, тарелки
(*скептически*) — впрочем, мне все равно, как
они называются! (*В экстазе.*) Это глина!
Жидкая глина называется грязь. C'est mon affaire! ¹

¹ *Это мое дело! (фр.)*

(*Кричит.*) Лина!

Входит Лина с ведром.

Поэт. Лина, покажись фрекен Агнес! Она
знала тебя десять лет назад, когда ты была
молодой, веселой и, скажем так, красивой
девушкой... Посмотри, как она теперь выглядит!
Пятеро детей, вечные заботы, крики, голод, побои!
Погляди, как истаяла красота, как исчезла
радость в процессе исполнения обязанностей,
которые должны были бы подарить внутреннее
удовлетворение, придающее гармонию чертам
лица и тихий жар очам...

*Начальник карантина (закрывает ему
рот рукой).* Молчи, молчи!

Поэт. Вот так все говорят! А когда я молчу,
они приказывают: говори! Нет сладу с людьми!

Дочь (подходит к Лине). Излей свои жалобы!

Лина. Нет, я не смею, только хуже будет!

Дочь. Кто так жесток?

Лина. Я не смею сказать, потому что меня
побьют!

Поэт. Вот как бывает! Но я скажу, даже
если Мавр выбьет мне зубы!.. Я скажу, что
порой царит несправедливость... Агнес, дочь бога!
Ты слышишь музыку и танцы там, на пригорке?
Прекрасно!.. Сестра Лины вернулась из города,
где она сбилась с пути, ты понимаешь...
Сейчас забивают откормленного теленка, а Лине,
которая оставалась дома, приходится таскать
ведро и кормить свиней!..

Дочь. В доме радость, ибо заблудшая душа
сошла с дурного пути, а не только потому,
что она вернулась домой! Учти это!

Поэт. Но тогда устраивайте балы с ужином
каждый вечер в честь безупречной труженицы,
никогда не сбивавшейся с пути, давайте!.. Но нет,
вместо этого Лине в свободное время надо ходить
в молельный дом и выслушивать попреки в том,
что она несовершенна! Это справедливо?

Дочь. На ваши вопросы так трудно отвечать,

ибо... столь много непредусмотренных случаев...

Поэт. Это понял и халиф Гарун-аль-Рашид
Справедливый! Неподвижно восседая на
троне, он не глядел вниз, не видел, каково там
живется! Но наконец до его высочайших ушей
долетели жалобы. И тогда в один прекрасный
день он сошел с трона и, переодевшись, незаметно
смешался с толпой, дабы посмотреть, как обстоят
дела со справедливостью.

Дочь. Я надеюсь, вы не считаете меня Гаруном
Справедливым?

Офицер. Давайте поговорим о чем-нибудь
другом!.. А вот и гости плывут!

*Слева в проливе появляется белый парусник, нос
которого украшен головой дракона, с голубым
шелковым парусом на золотой рее и розовато-красным
вымпелом на позолоченной мачте. У руля сидят,
обняв друг друга за талию, Он и Она.*

Посмотрите, какое полное счастье, какое
безграничное блаженство, торжество юной любви!

Он (вставая во весь рост, поет).

Пою тебе, залив прекрасный,
где юности годы цвели
и первые сны
розами были полны,
я вновь пред тобой,
одинокчества дни миновали!
Бухты и рощи,
небо и море,

привет ей пошлите!
Любовь моя, невеста моя!
Солнце мое и жизнь!

*На причалах Бухты Красоты салютуют флагами,
из вилл и с берега машут белыми платочками, над
проливом звенят аккорды арф и скрипок.*

Поэт. Смотрите, какой свет они излучают!
Послушайте, как звенит море! Эрос!

Офицер. Это Виктория!

Начальник карантина. И что дальше?

Офицер. Это его Виктория, у меня моя!
И мою никому увидеть не дано!.. Подними
карантинный флаг, а я выберу сеть!

Начальник карантина машет желтым флагом.

(Выбирает канат, так что лодка поворачивает
к Проливу Стыда.) Эй, там!

*Он и Она, только сейчас заметив жуткий
пейзаж, в ужасе.*

Начальник карантина. Да уж! Нелегко!
Но сюда обязаны заворачивать все, все,
приезжающие из зараженных областей!

Поэт. Как вы можете говорить такое, делать
такое, видя двух любящих людей! Не трогайте
их! Не касайтесь любви; это государственное
преступление!.. Горе нам! Все прекрасное
втаптывают в землю, в грязь!

Он и Она сходят на берег, печальные и пристыженные.

Он. Горе нам! Что мы сделали?

Начальник карантина. Не обязательно что-то делать, чтобы попасть в мелкие неприятности, уготованные жизнью!

Она. Как скоротечны радость и счастье!

Он. Сколько нам придется здесь задержаться?

Начальник карантина. Сорок дней и ночей!

Она. Лучше утопиться в море!

Он. Жить здесь, среди выжженных гор и свинарников?

Поэт. Любовь побеждает все, даже серный дым и карболку!

Начальник карантина (зажигает печь; из нее поднимаются синие серные пары).
Я зажигаю серу! Пожалуйста, входите!

Она. О! Мое синее платье потеряет свой цвет!

Начальник карантина. И станет белым!
И твои красные розы тоже побелеют!

Он. И твои щеки! За сорок дней!

Она (Офицеру). Тебе это доставит радость!

Офицер. Вовсе нет!.. Твое счастье, правда, стало источником моих мук, но... это ничего — я теперь получил докторскую степень, работаю домашним учителем там, напротив... хо-хо, да-да, а осенью получу место в школе... буду учить с мальчиками уроки, те же самые уроки, что учил все свое детство, всю свою юность, и теперь буду учить, те же уроки, всю свою взрослую жизнь и под конец всю старость, те же уроки: сколько будет дважды два? Сколько двоек без остатка в четырех?.. И так до пенсии, когда время будет тянуться в ожидании обеда и ужина, в ожидании газет, — пока меня наконец не свезут в крематорий и не сожгут... У вас здесь случайно нет пенсионеров? Это почти столь же ужасно, как дважды два четыре: начинать учиться, уже получив докторскую степень, задавать одни и те же вопросы до самой смерти... (*Мимо идет, заложив руки за спину, пожилой господин.*) Посмотрите, вот идет пенсионер, он проводит жизнь в ожидании смерти; наверное, капитан, не дослужившийся до майора, или нотариус, не ставший ассессором, — много званных, но мало избранных... Он ждет завтрака...

Пенсионер. Не завтрака, а газеты! Утренней газеты!

Офицер. А ему всего пятьдесят четыре года; он еще двадцать пять лет может так ходить, ожидая завтрака и газеты... Разве это не ужасно?

Пенсионер. Что — не ужасно? Что, что, что?

Офицер. Да пусть ответит тот, кто может!..
А я буду зубрить с мальчиками дважды

два четыре! Сколько двоек без остатка в четырех?
(В отчаянии хватается за голову.) А Виктория,
которую я любил и потому желал ей
самого большого счастья на земле... Теперь она
счастлива, счастлива как умеет, а я страдаю...
страдаю, страдаю!

Она. Неужели ты полагаешь, будто я могу
быть счастливой, видя твои страдания? Как ты
смеешь так думать? Быть может, то, что я
проведу здесь сорок дней и ночей, утишит твою
боль? Признайся, утишит?

Офицер. И да и нет! Я не могу наслаждаться,
когда ты страдаешь! О!

Он. А ты думаешь, мое счастье может быть
построено на твоих мучениях?

Офицер. Жалко нас — всех! О!

*Все (простирая руки к небу и издавая крик
боли, напоминающий диссонирующий аккорд).* О!

Дочь. Вечный, услышь их! Жизнь жестока!
Жалко людей!

Все (как раньше). О!

*На сцене на миг полное затемнение, в течение
которого все присутствующие исчезают или меняют
места. Когда зажигается свет, на заднем плане виден
берег Пролива Стыда, но теперь он в тени. Пролив
посредине, а на переднем плане Бухта Красоты, оба*

ярко освещены. Справа — угол курзала, с открытым окном, внутри — танцующие пары. На пустом ларе снаружи стоят, обняв друг друга за талию, три горничные и смотрят на танцы. На крыльце дома — скамейка, на которой сидит Дурнушка Эдит, с непокрытой головой, грустная, с взлохмаченными волосами. Перед ней — раскрытое пианино.

Слева — желтый деревянный дом.

Возле него двое ребятнишек в летних костюмчиках играют в мяч. На заднике на переднем плане виднеется причал с белыми лодками и флаги на флагштоках. В проливе виден белый военный корабль с амбразами по борту. Но ландшафт в зимних покровах, на голых деревьях и на земле лежит снег.

Входят Дочь и Офицер.

Дочь. Время вакаций, здесь царят мир и покой! Работа замерла; каждый день праздник; люди в нарядных одеждах; уже с утра музыка и танцы. *(К горничным.)* Почему вы, дети, не идете танцевать?

Горничная. Мы?

Офицер. Они же слуги!

Дочь. Верно!.. Но почему Эдит не танцует?

Эдит закрывает лицо руками.

Офицер. Не спрашивай ее! Она сидит здесь уже три часа, и ее никто ни разу не пригласил... *(Входит в желтый домик слева.)*

Дочь. Какое жестокое развлечение!

Мать (выходит; шея открыта, подходит к Эдит). Почему ты не заходишь внутрь, как я тебе велела?

Эдит. Потому... что не могу предлагать себя. Я знаю, что некрасива, поэтому никто и не хочет танцевать со мной, но я не желаю, чтобы мне об этом напоминали! (Начинает играть на пианино Токката соп Фуга нр. 10 Себастьяна Баха.)

Из зала слышатся звуки вальса, сначала тихо, потом все громче, словно борясь с «Токкатой» Баха. Однако Эдит выходит победительницей и заставляет их замолкнуть. В дверях появляются гости с бала, они слушают ее игру; все находящиеся на сцене с благоговением слушают музыку.

Лейтенант (обнимает Алис, одну из девушек, приглашенных на бал, за талию и ведет к причалу). Идем, быстрее!

Эдит перестает играть, встает и с отчаянием смотрит на них. Она словно окаменела.

Стена желтого домика поднимается. Видны три школьные скамейки, на них сидят мальчики; среди них Офицер, чем-то взволнованный и озабоченный. Перед мальчиками стоит Учитель в очках, в руках у него мел и плетка.

Учитель (Офицеру). Ну, мой мальчик, так

сколько будет дважды два?

Офицер продолжает сидеть; мучительно роемся в памяти, не находя ответа.

Ты должен встать, когда тебя спрашивают.

Офицер (встает, страдальчески). Дважды... два... Сейчас!.. Это будет два два!

Учитель. Вот как! Значит, ты не выучил урок!

Офицер (пристыженно). Я учил, но... Я знаю, сколько это будет, только сказать не могу...

Учитель. Хочешь выкрутиться! Знаешь, но не можешь сказать. Может, я тебе помогу! (Дергает Офицера за волосы.)

Офицер. О, это ужасно, ужасно!

Учитель. Да, ужасно, что у такого большого мальчика нет никакого честолюбия...

Офицер (страдальчески). Большого... Да, я большой, гораздо больше их всех; я взрослый человек, я закончил школу (словно очнувшись ото сна), я получил докторскую степень... Почему я сижу здесь? Разве мне не присудили докторскую степень?

Учитель. Конечно присудили, но, видишь ли, ты должен сидеть здесь, пока не созреешь. Ты должен созреть... Ведь правильно?

Офицер (кладет руку на лоб). Правильно,

нужно созреть... Дважды два... будет два, я докажу это методом аналогии, наивысшим из всех методов доказательств! Слушайте! Одиножды один будет один, следовательно, дважды два — два! Ибо то, что действительно в одном случае, действительно и в другом!

Учитель. Доказательство полностью соответствует законам логики, но ответ неверен!

Офицер. То, что соответствует законам логики, не может быть неверным! Давай попробуем! В единице одна единица, значит, в двойке две двойки!

Учитель. Совершенно правильно, согласно доказательству по аналогии. Но сколько тогда будет одиножды три?

Офицер. Три!

Учитель. Следовательно, дважды три тоже три!

Офицер (задумчиво). Нет, это не может быть верно... не может... или же...
(*Садится в отчаянии.*) Нет, я еще не созрел!

Учитель. Да, ты еще далеко не созрел...

Офицер. Но сколько мне придется здесь сидеть?

Учитель. Сколько сидеть здесь? Ты думаешь, что время и пространство существуют?.. Предположим, время существует, в таком случае ты мог бы сказать, что такое время! Что такое время?

Офицер. Время... (*Думает.*) Сказать не могу, но знаю, что это такое: ergo¹ я могу знать, сколько будет дважды два, не будучи способным это сказать. А господин учитель может сказать, что есть время?

¹ *Следовательно (лат.).*

Учитель. Разумеется, могу!

Мальчики (хором). Так скажите!

Учитель. Время?... Дайте-ка подумать!
(*Застывает на месте, приложив палец к носу.*)
Пока мы говорим, время бежит. Следовательно, время есть нечто, что бежит, пока я говорю!

Мальчик (встает). Вы говорите, и, пока вы говорите, я убегаю, значит, я — время!
(*Убегает.*)

Учитель. Это совершенно правильно по законам логики!

Офицер. В таком случае законы логики безумны, потому что убежавший Нильс не может быть временем!

Учитель. Это тоже совершенно правильно по законам логики, хотя и безумно.

Офицер. Значит, логика безумна!

Учитель. Действительно, создается такое впечатление! Но если логика безумна, то и весь

мир безумен... и тогда пусть сам черт учит вас здесь безумствам!.. Если кто из вас поднесет мне стопочку, мы пойдем купаться!

Офицер. Это posterus primus², или перевернутый мир, ибо обычно сначала купаются, а потом выпивают! Старый дурак!

² *Последнее первым (лат.).*

Учитель. Не будьте так высокомерны, доктор!

Офицер. Офицер, с вашего разрешения!
Я офицер, и я не понимаю, зачем я сижу здесь среди школьников и выслушиваю брань...

Учитель (поднимает палец). Мы должны созреть!

Начальник карантина (входит). Карантин начинается!

Офицер. Это ты! Представляешь, вот этот заставляет меня сидеть на школьной скамье, хотя я уже доктор!

Начальник карантина. А почему же ты не уходишь?

Офицер. Кто бы знал!.. Уйти? Это не так легко!

Учитель. Да уж я думаю! Попробуй!

Офицер (Начальнику карантина). Спаси меня! Спаси меня от его взгляда!

Начальник карантина. Пошли!.. Идем танцевать... Надо танцевать, пока не разразилась чума! Надо!

Офицер. А бриг тогда уйдет?

Начальник карантина. Сперва уйдет бриг!.. Слез, конечно, не оберешься!

Офицер. Вечно слезы: когда он приходит и когда уходит! Пошли!

Они выходят. Учитель молча продолжает урок. Горничные, стоявшие у окна танцевального зала, опечаленные, направляются к причалу. Эдит, застывшая у пианино, идет следом.

Дочь (Офицеру). Неужели в этом раю нет ни одного счастливого человека?

Офицер. Есть, вон те молодожены! Послушай их!

Входят Молодожены.

Муж (Жене). Блаженство мое так безгранично, что мне хочется умереть...

Жена. Почему умереть?

Муж. Потому что в счастье зреет зерно несчастья;

оно пожирает само себя, как пламя... которое не может гореть вечно, оно гаснет; и это предчувствие конца убивает блаженство в его расцвете.

Жена. Давай умрем вместе, прямо сейчас!

Муж. Умрем? Ну что ж! Ибо я страшусь счастья! Счастья-обманщика!

Входят в море.

Дочь (Офицеру). Жизнь жестока! Жалко людей!

Офицер. Тогда взгляни на того, кто идет сюда!
Ему завидуют больше всех смертных в этих местах!

Вводят Слепца.

*Он владеет всей этой сотней итальянских вилл;
он владеет всеми этими заливами, бухтами,
побережьями, лесами, рыбой в воде, птицами в
небе и дичью в лесу. Эти тысячи людей — его
дачники, и солнце встает над его морем и
опускается на его земли...*

Дочь. И что, он тоже ропщет?

Офицер. Да, и не без оснований, ибо он не видит!

Начальник карантина. Он слеп!..

Дочь. Тот, кому больше всех завидуют!

Офицер. Он пришел проводить бриг, на

борту стоит его сын!

Слепец. Я не вижу, зато слышу! Слышу, как скребут по донному илу якорные когти, словно выдирают из рыбы крючок вместе с сердцем!.. Мой сын, единственное мое дитя, отправляется в чужие страны, уходит в морские просторы; я могу лишь мысленно следовать за ним... вот я слышу, как скрипят цепи... и... что-то хлопает и бьется, точно белье на веревке... может, мокрые носовые платки... я слышу всхлипы и сморкания, словно люди плачут... то ли волны плещутся о корабль, то ли девушки на берегу... покинутые... безутешные... Однажды я спросил ребенка, почему море соленое, и ребенок, у которого отец был в дальнем рейсе, ответил не задумываясь: море соленое потому, что моряки много плачут. А почему же моряки много плачут?.. Да потому, ответил малыш, что им все время приходится уезжать... И поэтому они всегда сушат свои платки на мачтах!.. Почему человек плачет, когда ему грустно? — спросил я дальше... Потому, ответил он, что глаза надо иногда промывать, чтобы они яснее видели!..

Бриг, подняв паруса, скользит прочь; девушки на берегу то машут платочками, то прикладывают их к глазам. На фок-мачте взмывает сигнальный флажок, означающий «да», красный кружок на белом фоне! Алис ликующе машет в ответ.

Дочь (Офицеру). Что означает этот флажок?

Офицер. Он означает «да». Это «да» лейтенанта,

красное, точно написанное кровью сердца
на полотне неба!

Дочь. А как выглядит «нет»?

Офицер. Оно синее, как поганая кровь
в синих жилах... но посмотри, как ликует Алис!

Дочь. И как плачет Эдит!..

Слепец. Встречи и расставания! Расставания
и встречи! Это и есть жизнь! Я встретил его
мать! А она меня покинула! У меня остался
сын; теперь и он покинул меня!

Дочь. Он вернется!..

Слепец. Кто это со мной говорит? Я уже
слышал когда-то этот голос, в своих снах, в
юности, в начале летних вакаций, в медовый
месяц, в ту минуту, когда родился наш сын;
каждый раз, когда жизнь мне улыбалась, я
слышал этот голос, он похож на шелест южного
ветра, на небесный аккорд арф, мне кажется,
так возвестили ангелы радостную весть в
рождественскую ночь...

*Появляется Адвокат, подходит к Слепцу
и что-то шепчет.*

Слепец. Вот как!

Адвокат. Да, именно так! (*Подходит к Дочери.*)
Теперь ты почти все видела, но не испытала

самого ужасного.

Дочь. Что бы это могло быть?

Адвокат. Повторение... Повторы!.. Возвращение!
Повторный урок!.. Идем!

Дочь. Куда?

Адвокат. К твоим обязанностям!

Дочь. Что это такое?

Адвокат. Все то, чего ты так страшишься!
Все, чего ты не хочешь, но должна делать!
Уступать, жертвовать собой, выносить
лишения, отказывать себе... все неприятное,
отвратительное, мучительное...

Дочь. Неужели не существует приятных
обязанностей?

Адвокат. Они становятся приятными,
когда выполнены...

Дочь. Когда их больше нет... Значит,
обязанность — это все, что неприятно!
А что же тогда приятное?

Адвокат. Приятное — это грех.

Дочь. Грех?

Адвокат. Который должен быть наказан!
На следующий день после приятно проведенного
дня и вечера я испытываю адские муки и

угрызения совести.

Дочь. Как странно!

Адвокат. Да, я просыпаюсь утром с головной болью; и тут начинается повторение, но повторение извращенное. Все, что вчера было прекрасным, приятным, остроумным, сегодня утром представляется уродливым, отвратительным, глупым. Удовольствие словно бы гниет, а радость выветривается. То, что люди зовут успехом, становится всегда поводом для неудачи. Успехи, достигнутые мной в жизни, погубили меня. Дело в том, что люди питают инстинктивное отвращение к благополучию других; им кажется, что судьба поступает несправедливо, оказывая предпочтение одному, поэтому они стремятся восстановить равновесие, рассыпая на пути камни. Обладать талантом смертельно опасно, ибо ничего не стоит умереть с голоду!.. Однако возвращайся к своим обязанностям, или я подам на тебя в суд, и мы пройдем все три инстанции: первую, вторую, третью!

Дочь. Вернуться? К железной печке с кастрюлей капусты, к детской одежонке...

Адвокат. Да, да! Сегодня у нас большая стирка, предстоит выстирать все носовые платки...

Дочь. О, неужели мне придется все начинать сначала?

Адвокат. Вся жизнь — сплошная цепь повторений... Посмотри на того учителя... Вчера

он получил докторскую степень, лавровый венок, ему салютовали из пушек, он взошел на Парнас, попал в монаршьи объятия... а сегодня вновь начинает со школьного класса, спрашивает, сколько будет дважды два, и так будет родождаться до смерти... Однако возвращайся домой!

Дочь. Лучше умереть!

Адвокат. Умереть? Нельзя! Ибо, во-первых, это позорно, настолько, что труп подвергается осквернению, а потом... человек теряет вечный покой! ...Это смертный грех!

Дочь. Нелегко быть человеком!

Все. Прекрасно!

Дочь. Я не вернусь к вам в грязь и унижение!.. Я хочу туда, откуда спустилась, но... сперва нужно открыть дверь и узнать тайну... Я хочу, чтобы открыли дверь!

Адвокат. Тогда тебе придется вернуться в прежнюю колею, пройти весь путь назад и пережить заново весь кошмарный процесс повторения, воссоздания, перепевы, повторы...

Дочь. Да будет так, но сначала я удалюсь одна в пустынный край, дабы обрести себя! До встречи! (*Поэту.*) Иди за мной!

*Издали, от задника, слышны жалобные стоны:
«О горе! О горе! О горе!»*

Что это?

Адвокат. Горемыки из Пролива Стыда!

Дочь. Почему сегодня их стенанья сильнее
обычного?

Адвокат. Потому что здесь светит солнце,
потому что здесь музыка, здесь танцы, здесь
молодость! И это усиливает их страдания.

Дочь. Мы должны освободить их!

Адвокат. Попробуй! Однажды явился один
освободитель, но его распяли на кресте!

Дочь. Кто?

Адвокат. Праведники!

Дочь. Кто они такие?

Адвокат. Ты не знаешь, кто такие
праведники? Тебе непременно надо
их узнать!

Дочь. Это те, кто отказал тебе в докторской
степени?

Адвокат. Да!

Дочь. Тогда я знаю, кто они!

*Берег Средиземного моря. Слева на переднем плане — белая стена, из-за которой виднеется апельсиновое дерево с висящими на нем плодами. Вдали — вилла и казино с террасой. Справа — гора угля, возле которой стоят две тачки. Справа на заднем плане виден кусочек синего моря. Два Отвозчика угля, обнаженные по пояс, с черными лицами, руками и телами, сидят в полном отчаянии на своих тачках.
Дочь и Адвокат на заднем плане.*

Дочь. Это рай!

1-й Отвозчик. Это ад!

2-й Отвозчик. Сорок восемь градусов в тени!

1-й Отвозчик. Искупаемся в море?

2-й Отвозчик. Полиция явится! Здесь нельзя купаться!

1-й Отвозчик. А апельсин сорвать можно?

2-й Отвозчик. Нельзя, полиция явится.

1-й Отвозчик. Но я не в силах работать в такую жару: брошу все и уйду.

*2-й Отвозчик. Явится полиция и заберет тебя!..
(Пауза.) К тому же останешься голодным...*

1-й Отвозчик. Голодным? Мы работаем больше всех, а едим меньше всех; а богачи, которые ничего не делают, имеют все!.. По-моему,

я не погрешу против истины, если скажу, что это несправедливо... А как считает дочь божья?

Дочь. У меня нет слов!.. Но скажи мне, что ты натворил, — почему ты так черен и доля твоя так тяжела?

1-й Отвозчик. Натворил? Мы родились у бедных и не слишком хороших родителей... Которые, возможно, пару раз были наказаны!

Дочь. Наказаны?

1-й Отвозчик. Да. Ненаказанные сидят там, в казино, и уплетают обед из восьми блюд с вином.

Дочь (Адвокату). Неужели это правда?

Адвокат. В основном правда!..

Дочь. Ты хочешь сказать, что каждый человек хоть однажды заслужил тюрьму?

Адвокат. Да!

Дочь. И ты тоже?

Адвокат. Да!

Дочь. Это правда, что беднякам запрещено купаться здесь?

Адвокат. Да, даже в одежде! Лишь тот, кто задумает утопиться, избегнет штрафа.

А в полицейском участке им, верно, грозит
взбучка!

Дочь. Разве они не могут отойти подальше
и искупаться за городской чертой?

Адвокат. Здесь нет городской черты, все
огорожено!

Дочь. Я хотела сказать, на вольной природе!

Адвокат. Здесь нет вольной природы, все
занято!

Дочь. А море, морской простор...

Адвокат. Все! Ты не имеешь права выйти
в море или сойти на берег без того, чтобы тебя
не занесли в книгу и не получили с тебя платы.
Замечательно!

Дочь. Это не рай!

Адвокат. Далеко не рай, будь уверена!

Дочь. Почему люди ничего не делают, чтобы
улучшить свое положение?..

Адвокат. Делают, а как же, но все улучшатели
кончают тюрьмой или сумасшедшим домом...

Дочь. Кто сажает их в тюрьму?

Адвокат. Все праведники, все честные люди...

Дочь. Кто сажает их в сумасшедший дом?

Адвокат. Их собственное отчаяние от
безнадежности попыток!

Дочь. А никому не приходило в голову, что
по каким-то тайным причинам должно быть так,
как оно и есть?

Адвокат. Те, кому хорошо, именно так и считают!

Дочь. Считают, что хорошо так, как оно есть?..

1-й Отвозчик. А между тем мы-то как
раз и составляем фундамент общества: ежели
мы не привезем уголь, погаснут печи в кухнях,
камины в квартирах, встанут машины на
фабриках; погаснет свет на улицах, в магазинах, в
домах; мрак и холод падут на вас... поэтому мы
и обливаемся потом, как в аду, возим черный
уголь... Чем вы отплатите нам?

Адвокат (Дочери). Помогите им... *(Пауза.)*
Полного равенства быть не может, это я
понимаю, но чтобы такое неравенство?!

Сцену пересекают Барин и Барыня.

Барыня. Сыграешь партию?

Барин. Нет, мне надо пройтись, чтобы
осилить обед!

1-й Отвозчик. Чтобы осилить обед?

2-й Отвозчик. Чтобы осилить?..

Вбегают дети; увидев чумазных рабочих, вскрикивают от ужаса.

1-й Отвозчик. Они кричат, когда видят нас! Кричат...

2-й Отвозчик. Черт возьми!.. Видать, скоро нам придется вытащить гильотину, сделать операцию на этом гниющем теле...

1-й Отвозчик. Верно говоришь, черт возьми! Тьфу!

Адвокат (Дочери). Ну разве это не безумие! Люди не так уж и плохи... если бы не...

Дочь. Если бы не?..

Адвокат. Если бы не Администрация...

Дочь (пряча лицо, уходит). Это не рай!

Отвозчики. Это ад — вот что это такое!

Пещера Фингала. Величественные зеленые волны неспешно вкатываются в пещеру; на переднем плане

*покачивается красный буй с ревуном, однако ревун
включается лишь в определенный момент.*

Музыка ветра. Музыка волн.

Дочь и Поэт.

Поэт. Куда ты меня привела?

*Дочь. Далеко от шума и плача детей человеческих,
на край океана, в пещеру, которую мы называем
Ухом Индры, ибо здесь, говорят, небесный
властитель слушает жалобы смертных!*

Поэт. Как! Здесь?

*Дочь. Ты разве не видишь, что эта пещера
имеет форму раковины? Конечно видишь.
Разве ты не знаешь, что твое ухо имеет форму
раковины? Знаешь, но никогда об этом не
задумывался. (Поднимает с земли раковину.)
Разве ты ребенком не прикладывал раковину
к уху, не слышал... не слышал, как шумит кровь
в твоём сердце, как гудят мысли в твоём мозгу,
как лопаются тысячи крошечных изношенных
нитей в тканях твоего тела... Все это ты слышишь
в маленькой раковине, так представь, что можно
услышать в этой большой!..*

*Поэт (прислушивается). Я ничего не слышу,
кроме свиста ветра...*

*Дочь. В таком случае я тебе переведу,
о чем он свистит! Слушай Жалобу ветра!..
(Декламирует под аккомпанемент тихой музыки.)*

*Нас, в поднебесье рожденных,
Индра, огнем сверкая,*

низвергнул на землю, во прах...
Испачканы ноги соломенной кашей;
дорожную пыль, дым городов,
дыхания вонь,
чад и спиртные пары —
пришлось нам терпеть...
Мы в просторы морей потянулись,
чтобы легкие наши проветрить,
чтобы крылья свои отряхнуть,
чтобы ноги свои отмыть.
Индра, отец небесный,
выслушай нас!
Услышь наши вздохи!
Земля грязна,
жизнь нелегка,
люди не злы,
но и добра лишены.
Живут как умеют они,
день за днем.
Дети праха во прахе бредут,
из праха рожденные
в прах возвратятся.
Ноги даны им ходить,
но не крылья.
Пылью покрыты они,
их ли вина
или твоя?

Поэт. Однажды я слышал это...

Дочь. Молчи! Ветер еще поет!
(Декламирует под тихую музыку.)

Мы, воздуха дети, ветры,

стенанья людские несем.
Ты слышал, как в дымоходах
мы ночью осенней воем,
рыдаем в печах
и в оконных щелях,
когда плачет на крыше дождь,
или же зимнею ночью
в сосновом снежном лесу,
в штормовом океане
ты слышал стенанья и плач
парусов и снастей...
Это мы, ветры,
воздуха дети,
людям проникнув в сердца,
жалобным звукам там
научились...
В больнице, на поле боя,
в детских чаше всего,
где младенцы грудные пищат,
стонут и плачут от боли,
что причиняет им жизнь.
Это мы, мы, ветры,
воем и стонем —
о горе, о горе, о горе!

Поэт. Мне кажется, я уже...

Дочь. Молчи! Волны поют.
(*Декламирует под тихую музыку.*)

Это мы, вольные волны,
что баюкаем ветры,
даря им покой!
Зеленые люльки, вольные волны.

Влажные мы и соленые,
на огня языки похожие.
Мы — влажное пламя.
Мы гасим и жжемся,
омываем, купаем,
зачинаем, рождаем.
Мы — вольные волны,
что баюкаем ветры,
даря им покой!

Дочь. Коварные волны, лживые волны;
все, что на земле не сгорает, тонет... в волнах.
Посмотри. (*Показывает на свалку.*) Посмотри,
что море украло и разрушило... От затонувших
кораблей остаются лишь ростральные украшения...
и названия: «Справедливость», «Дружба»,
«Золотой мир», «Надежда» — это все, что
осталось от надежды... обманчивой надежды!..
Реи, ключины, черпак! И погляди: спасательный
круг... он спас самого себя, а потерпевшему дал
погибнуть!

Поэт (роется в куче). Вот дощечка с корабля
«Справедливость». Того самого, что вышел
из Бухты Красоты с сыном Слепца на борту.
Стало быть, утонул! Там же на борту был и
жених Алис, безнадежная любовь Эдит.

Дочь. Слепец? Бухта Красоты? Наверное,
мне все это приснилось! И жених Алис,
Дурнушка Эдит, Пролив Стыда и карантин,
сера и карболка, присуждение докторской степени
в церкви, контора адвоката, коридор и Виктория,
«растущий замок» и офицер... Мне все это снилось...

Поэт. Когда-то я сочинил все это!

Дочь. Тогда ты знаешь, что такое поэзия...

Поэт. Тогда я знаю, что такое сон... Что есть поэзия?

Дочь. Не действительность, а больше, чем действительность... не сон, а сон наяву...

Поэт. А дети человеческие думают, будто мы, поэты, лишь играем... выдумываем и изобретаем!

Дочь. И хорошо, мой друг, ибо иначе мир бы погиб, утратив стимул к жизни. Все бы лежали на спине, уставившись в небо; никто бы не взялся за плуг и лопату, рубанок или мотыгу.

Поэт. И это говоришь ты, дочь Индры, ты, наполовину дитя небес...

Дочь. Ты прав, упрекая меня; слишком долгое время провела я здесь, внизу, принимая, как и ты, грязевые ванны... Мысли мои не в силах больше взлететь; глина на крыльях... земля на ногах... и сама я... *(Поднимает руки.)* Я погружаюсь, погружаюсь... Помоги мне, отец, отче небесный! *(Молчание.)* Уже не слышу ответа! Эфир не доносит звук с его губ до раковины моего уха... порвалась серебряная нить... Горе мне, я привязана к земле!

Поэт. Ты... скоро собираешься вознестись?

Дочь. Как только сожгу прах... ибо воды океана не способны очистить меня.
Почему ты спрашиваешь?

Поэт. Потому что... у меня есть мольба...
прошение...

Дочь. Что еще за прошение?..

Поэт. Прощение человечества к властителю мира, сочиненное мечтателем!

Дочь. И передать его должна?..

Поэт. Дочь Индры...

Дочь. Ты можешь прочитать свою поэму?

Поэт. Могу!

Дочь. Читай же!

Поэт. Лучше ты!

Дочь. Где я ее прочту?

Поэт. В моих мыслях или вот здесь!
(Протягивает свернутый в трубку листок.)

Дочь. Хорошо, я прочитаю!
(Берет листок, но читает наизусть.)

Почему родился с болью,
почему терзаешь мать,
ту, которой должен ты, дитя, дарить
материнства радость,

радостей всех радость?
Почему встречаешь жизнь ты,
к свету тянешься зачем
с криком злобным, с криком боли?
Почему улыбки нету
на устах твоих, дитя? Жизни дар
и есть ведь радость.
Почему на свет приходим
словно звери, хоть и родом
от богов мы и людей?
Но иной покров потребен духу,
не из грязи, не из крови!
Сменит зубы Божий образ...

...Молчи! Созданию негоже
обвинять Создателя!
Загадка жизни не разгадана пока!..
Начинаешь бег свой тяжкий
по камням, колючкам и кустам;
а на ровный путь коль выйдешь,
он запретным назовется,
полевой цветок сорвешь ты,
тут же скажут — он не твой;
поле путь твой преграждает,
а тебе вперед идти,
вот и топчешь хлеб чужой;
твой же кто-нибудь другой истопчет,
чтобы не было обидно!
Что тебе сплошная радость,
то другим одна беда,
но твоя беда не радость,
потому вдвойне беда!
Так бредешь до самой смерти,
а другим, увы, и дела нету!

.....

С этим, значит, сын земли,
ко Всевышнему решил идти?..

Поэт.

Как рожденному из праха
обрести язык столь легкий,
чтоб с земли взлететь он смог?
Божья дочь, мольбу ты нашу
переложить ли в слова,
что Бессмертному понятны?

Дочь. Да!

Поэт (кивая на буй). Что это там качается?.. Буй?

Дочь. Да!

Поэт. Он похож на легкое с гортанью!

Дочь. Это морской сторож. При приближении
опасности он начинает петь.

Поэт. Мне кажется, море начинает волноваться,
и волны заходили...

Дочь. Да, похоже!

Поэт. О горе, что я вижу? Корабль... у рифов.

Дочь. Что это может быть за корабль?

Поэт. По-моему, корабль-призрак.

Дочь. Какой?

Поэт. Летучий Голландец.

Дочь. Тот самый? За что он наказан так жестоко и почему не пристаёт к берегу?

Поэт. Потому что у него было семь неверных жен.

Дочь. И за это наказали его?

Поэт. Да! Все праведники его осудили...

Дочь. Станный мир!.. Как же он может освободиться от проклятия?

Поэт. Освободиться? Освобождать остерегаются...

Дочь. Почему?

Поэт. Потому что... Нет, это не Голландец!
Это обычный корабль, терпящий бедствие!..
Почему же не кричит буй? Смотри, вода поднимается, волны все выше; скоро мы не сможем выйти из пещеры!.. Вот бьет судовой колокол!
Скоро будет еще одна ростральная фигура...
Кричи, буй, выполняй свой долг, сторож...
(Буй издаёт четырехголосный аккорд на пять шестых, похожий на звук туманной сирены.)
Команда машет нам... но мы тоже гибнем!

Дочь. Ты не хочешь избавления?

Поэт. Конечно хочу, но не сейчас...
и не воде!

Команда (поет на четыре голоса).
Крист Кирие! ¹

¹ *Христу слава! (греч.)*

Поэт. Они кричат; и море кричит! Но
никто не слышит.

Команда (как и раньше). Крист Кирие!

Дочь. Кто это там идет?

Поэт. По морю? Просто кто-то идущий по
морю — но это не Петр, камень, ибо тот камнем
пошел ко дну...

Над морем видно белое сияние.

Команда. Крист Кирие!

Дочь. Это Он?

Поэт. Он, Распятый...

Дочь. Почему, скажи мне, почему Его
распяли?

Поэт. Потому что Он хотел освободить...

Дочь. Кто — я забыла, — кто распял Его?

Поэт. Все праведники.

Дочь. Какой странный мир!

Поэт. Море поднимается! Тьма наваливается
на нас... Шторм усиливается...

Команда издает вопль.

Поэт. Команда кричит от ужаса, увидев
своего избавителя... А теперь... теперь они
прыгают за борт, испугавшись Спасителя...

Команда снова издает вопль.

Теперь они кричат перед лицом смерти! Кричат,
когда рождаются, и кричат, когда умирают!

*Разбушевавшиеся волны грозят утопить
их в пещере.*

Дочь. Если бы я была уверена, что это корабль...

Поэт. Воистину... по-моему, это не корабль...
это двухэтажный дом, вокруг деревья... и...
телефонная башня... башня, достигающая до
облаков... Современная Вавилонская башня,
посылающая провода наверх, чтобы сообщать
верховным...

Дочь. Дитя, человеческой мысли для перемещения
не требуется металлического провода... молитва
благочестивого проникает сквозь все миры...
Это наверняка не Вавилонская башня, ибо,
если хочешь штурмовать небо, штурмуй его
своими молитвами!

Поэт. Да, это не дом... не телефонная башня... видишь?

Дочь. Что видишь ты?

Поэт. Я вижу заснеженную пустошь, учебный плац... зимнее солнце освещает церковь на холме, и башня отбрасывает на снег длинную тень... вот по пустоши марширует взвод солдат; они маршируют наверх, на башню, на шпиль; теперь они на кресте, но я предчувствую, что тот, кто первым наступит на петуха, умрет... они приближаются... во главе шагает капрал... Ха-ха! Над пустошью спускается туча, разумеется закрывая солнце... все исчезло... влага тучи погасила огонь солнца! Солнечный свет создал тень башни, а тень тучи задушила тень башни...

Во время предыдущего монолога сцена снова преобразилась в театральный коридор.

Дочь (Привратнице). Лорд-канцлер уже прибыл?

Привратница. Нет!

Дочь. А деканы?

Привратница. Нет!

Дочь. Позови их немедленно, сейчас будут открывать дверь...

Привратница. Это так важно?

Дочь. Да! Ибо есть подозрение, что там, внутри, хранится разгадка загадки мира!..

Итак, зови лорд-канцлера и деканов четырех факультетов!

Привратница свистит в свисток.

И не забудь про стекольщика с алмазом, ибо иначе ничего не получится!

Слева выходят служащие театра, как в начале пьесы.

Офицер (появляется из задника, в рединготе и цилиндре, с букетом роз в руках, сияющий от радости). Виктория!

Привратница. Фрекен сейчас придет!

Офицер. Прекрасно! Коляска ждет, стол накрыт, шампанское положено в лед... Разрешите мне обнять вас, сударыня. (Обнимает Привратницу.) Виктория!

Женский голос (сверху, поет). Я здесь!

Офицер (начинает ходить). Хорошо! Я жду.

Поэт. По-моему, я все это уже видел...

Дочь. По-моему, я тоже.

Поэт. Может, мне это приснилось?

Дочь. Или ты это сочинил?

Поэт. Или сочинил.

Дочь. Тогда ты знаешь, что такое поэзия.

Поэт. Тогда я знаю, что такое сон.

Дочь. По-моему, мы произносили эти слова где-то в другом месте.

Поэт. Значит, скоро ты сможешь определить, что такое действительность!

Дочь. Или сон!

Поэт. Или поэзия!

Лорд-канцлер. Деканы богословского, философского, медицинского и юридического факультетов.

Лорд-канцлер. Вопрос, разумеется, касается двери!
Что думает декан богословского факультета?

Декан богословского факультета.
Я не думаю, я верую... Credo...

Декан философского факультета.
Я считаю...

Декан медицинского факультета.
Я знаю...

Декан юридического факультета.

Я сомневаюсь, пока не получу доказательства
и свидетельские показания!

Лорд-канцлер. Опять вы начали ссориться!..

Так во что верует богослов?

Декан богословского факультета.

Я верую, что эту дверь нельзя открывать,
поскольку она скрывает опасные истины...

Декан философского факультета.

Истина не бывает опасной.

Декан медицинского факультета.

Что есть истина?

Декан юридического факультета.

То, что можно доказать с помощью двух
свидетелей.

Декан богословского факультета.

С помощью двух ложных свидетелей
крючкотвор способен доказать все.

Декан философского факультета.

Истина — это мудрость, а мудрость, знание есть
сама философия... Философия — наука наук,
знание знания, и все другие науки — слуги
философии.

Декан медицинского факультета.

Единственные науки — естественные, философия
не наука, а лишь пустые спекуляции.

Декан богословского факультета.

Браво!

Декан философского факультета (богослову). Ты восклицаешь «браво!». Кто ты таков? Ты заклятый враг любого знания, ты антипод науки, ты невежество и темнота...

Декан медицинского факультета.
Браво!

Декан богословского факультета (медику). Ты восклицаешь «браво!», ты, кто не видит дальше своего носа в лупу, ты, кто верит лишь своим обманчивым чувствам, своему зрению например, которое может быть дальновзорким, близоруким, слепым, тусклым, косым, одноглазым, не различающим цвета, не различающим красного, не различающим зеленого...

Декан медицинского факультета.
Дурак!

Декан богословского факультета.
Осел!

Разгорается спор.

Лорд-канцлер. Тихо! Не пристало воронам выклевывать друг другу глаза.

Декан философского факультета.
Если бы мне пришлось выбирать между этими двумя — богословием и медициной, — я бы... не выбрал ни то ни другое!

Декан юридического факультета.

А если бы я судил вас троих, то осудил бы — всех!.. Вы не способны достичь согласия ни по единому пункту и никогда не были способны на это. К делу! Каково мнение лорд-канцлера по поводу этой двери и ее открытия?

Лорд-канцлер. Мнение? У меня нет мнения. Я всего только назначен правительством следить, чтобы вы не переломали друг другу руки и ноги в консистории... воспитывая молодежь. Мнение? Нет уж, я воздержусь от всяких мнений. Когда-то у меня было несколько, но их тут же опровергли; мнения сразу же опровергаются — противниками, разумеется!.. Может, мы все-таки откроем дверь, даже с риском, что она скрывает опасные истины?

Декан юридического факультета.

Что есть истина? Где истина?

Декан богословского факультета.

Я есмь истина и жизнь...

Декан медицинского факультета.

Я есть точное знание...

Декан юридического факультета.

Я сомневаюсь!

Разгорается спор.

Дочь. Учителя молодежи, стыдитесь!

Декан юридического факультета.

Лорд-канцлер, вы представитель правительства,

глава учительского корпуса, вы обязаны привлечь эту женщину к ответственности за ее проступок! Она призвала вас стыдиться, это оскорбление, она назвала вас учителем молодежи в презрительном, ироническом смысле, это оскорбительные речи!

Дочь. Бедная молодежь!

Декан юридического факультета.

Она сожалеет о молодежи, тем самым обвиняет нас. Лорд-канцлер, привлечите ее к ответственности!

Дочь. Да, я обвиняю вас, вас всех, в том, что вы сеете сомнения и разлад в умах молодых.

Декан юридического факультета.

Послушайте, она сама пробуждает сомнения у молодежи в нашем авторитете, при этом обвиняя нас в том, что мы сеем сомнения. Разве это не преступное действие, я спрашиваю всех праведников?

Все праведники. Конечно преступное!

Декан юридического факультета.

Все праведники осудили тебя! Уходи с миром, к своей выгоде! Иначе...

Дочь. К своей выгоде? Иначе? Иначе что?

Декан юридического факультета.

Иначе тебя побьют камнями.

Поэт. Или распнут на кресте.

Дочь. Я уйду. Пойдем со мной, и ты узнаешь загадку!

Поэт. Какую загадку?

Дочь. Что он имеет в виду под «моей выгодой»?

Поэт. Вероятно, ничего. Это то, что мы называем пустословием. Он пустословил.

Дочь. Но он меня этим глубоко оскорбил!

Поэт. Потому-то, наверное, и сказал...
Таковы люди.

Все праведники. Ура! Дверь открыта!

Лорд-канцлер. Что скрывалось за дверью?

Стекольщик. Я ничего не вижу.

Лорд-канцлер. Он ничего не видит, так я и думал!.. Деканы! Что скрывалось за дверью?

Декан богословского факультета.
Ничего! Это разгадка загадки мира... В начале Бог из ничего создал небо и землю.

Декан философского факультета.
Из ничего получается ничто.

Декан медицинского факультета.

Чушь! Это ничто.

Декан юридического факультета.
Сомневаюсь. И здесь наличествует обман.
Я обращаюсь ко всем праведникам!

Дочь (Поэту). Кто такие праведники?

Поэт. Кто бы знал. Все праведники — это чаще всего один человек. Сегодня я и мои близкие, завтра ты и твои близкие. Праведником назначают, или, вернее, человек сам себя назначает.

Все праведники. Нас обманули!

Лорд-канцлер. Кто вас обманул?

Все праведники. Дочь!

Лорд-канцлер. Не будет ли Дочь так добра сказать, что она имела в виду, открывая дверь?

Дочь. Нет, друзья мои! Если бы я сказала, вы бы не поверили!

Декан медицинского факультета.
Там ведь ничего нет.

Дочь. Вот ты сам и сказал! Но ты не понял этого ничто!

Декан медицинского факультета.
Она говорит чушь.

Все. Чушь!

Дочь (Поэту). Жалко их.

Поэт. Ты говоришь серьезно?

Дочь. Всегда серьезно.

Поэт. И праведников тебе тоже жалко?

Дочь. Может быть, больше всех.

Поэт. И деканов четырех факультетов?

Дочь. Их тоже, не меньше других!
Четыре головы, четыре ума на одном теле!
Кто создал это чудовище?

Все. Она не отвечает!

Лорд-канцлер. Тогда побейте ее!

Дочь. Я ответила.

Лорд-канцлер. Слышите, она отвечает.

Все. Побейте ее! Она отвечает.

Дочь. Отвечает она или не отвечает —
побейте!.. Идем, провидец, я — далеко отсюда! —
раскрою тебе загадку, но только там, в пустынном
краю, где нас никто не услышит и не увидит! Ибо...

Адвокат (подходит, берет Дочь за руку).
Ты забыла свои обязанности?

Дочь. О Господи, нет! Но у меня есть
высший долг!

Адвокат. А твой ребенок?

Дочь. Мой ребенок! Что еще?

Адвокат. Твой ребенок зовет тебя.

Дочь. Мой ребенок! Горе мне, я привязана
к земле!.. И эта тяжесть на сердце, этот страх...
что это?

Адвокат. Ты не знаешь?

Дочь. Нет!

Адвокат. Это муки совести.

Дочь. Муки совести?

Адвокат. Да! И они начинаются после малейшего
пренебрежения своими обязанностями, после
каждого удовольствия, даже самого невинного,
если вообще существуют невинные удовольствия,
что сомнительно; и после любого страдания,
причиненного ближнему.

Дочь. И спасения не дано?

Адвокат. Дано, одно-единственное!

Немедленно исполнить свой долг...

Дочь. Ты похож на демона, когда произносишь слово «долг»! А если нужно исполнить два долга, как мне?

Адвокат. Тогда сначала исполняют один, а потом другой!

Дочь. Сначала высший... посему присмотри за моим ребенком, а я исполню свой долг...

Адвокат. Твой ребенок тоскует... способна ли ты чувствовать, как из-за тебя страдает человек?

Дочь. В душе моей сумятица... она разрывается пополам и тянет в разные стороны!

Адвокат. Видишь, таковы диссонансы жизни!

Дочь. Ах, как рвется душа!

Поэт. Знала бы ты, сколько горя и разрушений я причинил, исполняя свое призвание, — заметь, призвание, которое есть высший долг, — ты не захотела бы подать мне руки!

Дочь. Объясни!

Поэт. Мой отец связывал все свои надежды со мной, единственным сыном, который продолжит его дело... Я сбежал из торгового института... Отец умер от огорчения. Моя мать хотела,

чтобы я посвятил себя религии... я не смог... она оттолкнула меня... У меня был друг, который поддерживал меня в тяжелые времена... Друг обращался как тиран с теми, кто был мне дорог, для кого я пел. Мне пришлось отвергнуть своего друга и благодетеля, чтобы спасти собственную душу! С тех пор нет мне покоя; люди называют меня бесчестным, подонком, и пусть моя совесть говорит: ты поступил правильно, — это дела не меняет, потому что в следующий миг совесть говорит: ты поступил неправильно! Такова жизнь.

Дочь. Пойдем со мной в пустынный край!

Адвокат. Твой ребенок!

Дочь (имея в виду всех присутствующих).
Вот мои дети! Поодиночке каждый из них хороший, но стоит им сойтись вместе, они начинают ссориться и превращаются в демонов...
Прощай!

Перед замком; те же декорации, что в первой сцене первого акта. Но теперь земля у подножия замка покрыта цветами (синими аконитами). На крыше замка, на его фонаре, виден вот-вот готовый распусться бутон хризантемы. Окна замка освещены стеариновыми свечами.

Дочь и Поэт.

Дочь. Недалек тот миг, когда я с помощью огня вновь войду в эфир... Вы называете это смертью и ждете ее со страхом.

Поэт. Страхом перед неизвестным.

Дочь. Которое вам известно.

Поэт. Кому известно?

Дочь. Всем! Почему вы не верите своим пророкам?

Поэт. Пророкам никогда не верили — почему? И «если Бог говорит, почему люди не верят Ему»? Сила его убеждения должна была бы быть неотразимой!

Дочь. Ты всегда сомневался?

Поэт. Нет! Много раз я обретал уверенность, но через некоторое время она исчезала, как сон при пробуждении!

Дочь. Нелегко быть человеком!

Поэт. Послушай! Разве не Индра однажды послал сюда своего сына, чтобы тот слышал жалобы человечества?

Дочь. Верно! Как его приняли?

Поэт. Отвечая вопросом на вопрос: как выполнил он свою миссию?..

Дочь. Отвечая другим вопросом... Разве людям не стало лучше жить после того, как Он посетил землю? Отвечай правду!

Поэт. Лучше? ...Немного! Чуть-чуть!.. Но

вместо того чтобы спрашивать, ты не хочешь
открыть мне загадку?

Дочь. Хочу! Только зачем? Ты ведь мне не
поверишь!

Поэт. Тебе поверю, ибо знаю, кто ты!

Дочь. Хорошо, я скажу!
На заре времен, до того как воссияло солнце,
Брама, божественная первооснова, позволил
Майе, матери мира, соблазнить себя, дабы
размножиться. Это соприкосновение божественной
первоматерии с земной стало грехопадением
неба. Мир, жизнь, люди, таким образом, суть
фантом, видимость, сон...

Поэт. Мой сон!

Дочь. Правдивый сон!.. Но чтобы освободиться
от земной материи, потомки Браммы ищут
лишений и страданий... Вот тебе страдание как
избавление... Но эта потребность в страдании
сталкивается с желанием наслаждаться, или с
любовью... Теперь ты понимаешь, что такое
любовь, с ее высочайшими радостями при
глубочайшем страдании, самое сладостное
в самом горьком! Теперь ты понимаешь,
что такое женщина? Женщина, через которую
в жизнь вошли грех и смерть?

Поэт. Понимаю!.. А конец?

Дочь. Ты его знаешь... Борьба между болью
наслаждения и наслаждением страдания...
между муками раскаявшегося и радостями

сладострастника...

Поэт. Значит, борьба?

Дочь. Борьба противоположностей рождает силу, как огонь и вода создают силу пара...

Поэт. А покой? Отдых?

Дочь. Молчи, тебе нельзя больше спрашивать, а мне отвечать! ...Алтарь уже разукрашен для жертвоприношения... цветы стоят на страже; свечи зажжены... на окнах белые простыни... у дверей еловые ветки...

Поэт. Ты говоришь это так спокойно, словно для тебя не существует страдания!

Дочь. Не существует? Я страдала всеми вашими страданиями, только в сотни раз сильнее, ибо мои ощущения тоньше...

Поэт. Излей свое горе!

Дочь. Поэт, сумел бы ты излить свое без единого лишнего слова? Твои слова когда-нибудь были способны сравняться с твоими мыслями?

Поэт. Ты права, никогда! Я был для самого себя словно глухонемой, и когда толпа с восхищением слушала мои песни, мне они казались просто шумом... видишь ли, поэтому я всегда стеснялся, когда меня превозносили!

Дочь. И ты хочешь, чтобы я?.. Посмотри мне в глаза!

Поэт. Я не выдержу твоего взгляда...

Дочь. Как же ты выдержал бы мои слова, если бы я заговорила на своем языке!..

Поэт. Но все-таки, прежде чем ты уйдешь, скажи: что причиняло тебе самые сильные страдания здесь, внизу?

Дочь. Мое существование; чувство, что мое зрение ослаблено глазами, слух притуплён ушами, а мысль, моя светлая воздушная мысль, запуталась в лабиринте жирных извилин. Ты видел мозг... какие кривые дорожки, какие узкие тропинки...

Поэт. Да, поэтому-то все праведники и мыслят криво!

Дочь. Злой, как всегда, злой, но вы все такие!..

Поэт. Как можно быть другим?

Дочь. Теперь я сначала отряхну прах со своих ног... землю, глину...
(Снимает туфли и кладет их в огонь.)

Привратница (входит, кладет в огонь свою шаль). Можно, я свою шаль тоже сожгу?

Офицер (входит). А я свои розы, на которых остались лишь колючки! *(Выходит.)*

Расклейщик афиш (входит). Афиши пусть погибают, но сачок ни за что! *(Выходит.)*

Стекольщик (входит). Алмаз, открывший дверь! Прощай! *(Выходит.)*

Адвокат (входит). Протокол судебного процесса относительно бороды Папы Римского или снижения уровня воды в источниках Ганга. *(Выходит.)*

Начальник карантина (входит). Маленький взнос — черная маска, превратившая меня в мавра вопреки моей воле! *(Выходит.)*

Виктория (входит). Моя красота, мое горе! *(Выходит.)*

Эдит (входит). Мое уродство, мое горе! *(Выходит.)*

Слепец (входит, сует руку в огонь). Даю руку за глаз! *(Выходит.)*

*Появляется Дон Жуан в инвалидной коляске.
Она и друг.*

Дон Жуан. Поторопитесь, поторопитесь, жизнь коротка!

Выходят вслед за остальными.

Поэт. Я читал, что, когда жизнь близится к концу, все и вся проносятся мимо единой чередой... Это конец?

Дочь. Да, мой конец! Прощай!

Поэт. Скажи что-нибудь на прощание!

Дочь. Нет, не могу! Неужели ты думаешь, будто ваши слова способны выразить наши мысли!

Богослов (входит, в бешенстве). Бог меня дезавуировал, люди меня преследуют, правительство от меня отреклось, и мои коллеги меня высмеивают! Как я могу верить, если больше никто не верит... как я буду защищать Бога, который не защищает своих детей? Все это чушь! *(Бросает книгу в огонь и уходит.)*

Поэт (выдергивает книгу из огня). Знаешь, что это?.. Мартиролог, календарь с мучеником на каждой странице.

Дочь. Мучеником?

Поэт. Да, человеком, замученным до смерти за веру! Скажи почему?

Дочь. Ты думаешь, те, кого пытаются, кто страдает, все те, кого убивают, чувствуют боль? Ведь страдание — это искупление, а смерть — избавление.

Кристин (с полосками бумаги). Я клею, я клею, пока не останется чего заклеивать...

Поэт. Даже если бы разверзлось само небо,
ты бы попыталась заклеить его... Уходи!

Кристин. А в замке нет двойных рам?

Поэт. Нет уж, только не там!

Кристин (выходит). Тогда я пойду!

Дочь.

Близится час расставанья, и конец недалек;
так прощай же, сын человеческий, сновидец,
скальд, что всех лучше жизнь понимает;
на крыльях паря над землей,
ты порою ныряешь в пыль,
чтоб ее лишь коснуться и вновь вознестись!

.....

Ухожу я... и в миг расставанья,
покидая друзей, покидая селенья,
так тоскует душа по тому, что любила,
и кается в том, что она предала...
О, всю боль бытия я теперь ощущаю,
вот каково оно быть человеком...
Тоскуешь о том, что мало ценила,
и каешься в том, что не предала...
И хочешь уйти, и хочешь остаться...
И сердце разбито напополам,
и рвется душа от смятенья, сомнений,
гармонии нет и следа...

.....

Прощай! Скажи сородичам, я буду помнить их там,
куда я нынче удаляюсь, и их мольбу
я именем твоим до трона донесу.
Прощай!

*Она входит в замок. Раздается музыка. На заднике, освещенном
пламенем горящего замка, проступает множество человеческих
лиц — удивленных, опечаленных, отчаявшихся... В то время, когда
замок загорается, бутон на крыше распускается в гигантский
цветок хризантемы.*

Эволюция драматургии Стриндберга и его пьеса «Игра снов»

Август Юхан Стриндберг вошел в историю литературы в конце XIX века как автор исповедальных романов, поразивших современников откровенностью саморазоблачений. Главная тема этих многотомных «воспоминаний» — вечная борьба полов, которая движет любым человеческим действием и ведет к неизбежной гибели. Однако постепенно от года к году осознавалась слава Стриндберга именно как одного из крупнейших драматургов за всю историю театра и одного из самых репертуарных в XX веке.

Стриндберг родился 22 января 1849 года. Отцом его был Карл Оскар Стриндберг, владелец конторы по найму судов, матерью — бывшая его служанка.

Этот «неравный брак» и его последствия стали определяющими в формировании трагического, раздвоенного мироощущения писателя. Другим обстоятельством стало банкротство отца, происшедшее, когда Стриндбергу было пять лет. Когда ему было

тринадцать, мать умерла от туберкулеза. На следующий год отец женился вновь.

В 1867 году Стриндберг поступил в университет в Упсале, но вскоре был вынужден прервать учебу и самостоятельно зарабатывать на жизнь. Он преподает в младшей школе. Пробует себя в качестве актера. В 1869-м написана первая пьеса — «Подарок на именины», отвергнутая Драматическим театром. Вторая пьеса — «Гермиона», на античный сюжет — была одобрена Шведской академией. В 1870 году в Стокгольме поставлена пьеса Стриндберга «В Риме», опубликована пьеса «Вольнодумец». В следующем году поставлена пьеса «Вне закона», в которой Стриндберг обращается к теме утверждения христианства в Скандинавии. В 1872 году написана пьеса об эпохе Реформации — «Местер Улоф». Пьеса неоднократно перерабатывалась автором и была впервые поставлена в 1881 году.

Помимо литературы Стриндберг занимается живописью, изучает китайский язык. Работает журналистом, библиотекарем, телеграфистом... В 1879 году опубликован роман «Красная комната», принесший Стриндбергу широкую известность, многократно переиздававшийся и переведенный со шведского на другие языки.

В 1880-е годы к Стриндбергу приходит общеевропейское признание. В 1888 году во Франции издан «Отец» с предисловием Эмиля Золя. Фридрих Ницше, прочитав пьесу, прислал Стриндбергу восторженный отклик: «Было чрезвычайно удивительно и радостно открыть произведение, в котором великолепным образом выражена моя собственная концепция любви: с ее тактикой и стратегией, ее природа, полная смертельной ненависти»¹.

¹ Письмо Ф. Ницше А. Стриндбергу от 27 ноября 1888 года.

Восторг Ницше связан, конечно же, не с идеей женоненавистничества. Речь идет о любви-ненависти, основанной на бесконечном стремлении к власти, к подчинению другого. По совету Ницше Стриндберг отдает «Отца» в «Театр Либр» — один из самых передовых театров Европы, основанный Андре Антуаном в 1887 году. Ницше писал: «Это Ваше произведение предназначено для скорейшей постановки в Париже в «Театре Либр» Антуана — Вы просто обязаны добиваться этого от Золя!»²

² Письмо от 7 декабря 1888 года.

Но Антуан по различным причинам не мог поставить пьесу. Путь Стриндберга на европейскую сцену оказался не прост. В сентябре 1890 года Отто Брам поставил «Отца» в берлинском «Фрайе Бюне». Спектакль был запрещен после первого представления. В 1892-м Резиденц-театер поставил «Фрекен Жюли». В 1893-м там же поставлены «Кредиторы», «Первое предупреждение», «Перед смертью». Первой парижской премьерой Стриндберга стала «Фрекен Жюли» в постановке Антуана — 16 января 1893 года.

В «Театре Либр» высоко оценили новаторство драматурга. Антуан написал в своем дневнике после генеральной репетиции спектакля: «"Графиня Юлия" произвела, в сущности, огромную сенсацию. Все взволновало публику — сюжет, среда, компактность пьесы, умещающей в одном-единственном действии продолжительностью в полтора часа материал, которого хватило бы на большую вечернюю французскую

пьесу. Разумеется, были смешки и протесты, но на самом деле все чувствовали, что они присутствуют при чем-то необычном»¹.

¹ *Антуан А. Дневники директора театра: 1887—1906 гг. М.; Л., 1939. С. 228.*

Таким образом, Стриндберг стал восприниматься как драматург-натуралист.

Реакция на постановку Антуана была значительной, но Стриндберг считал, что французская сцена не была им «завоевана».

Несколько месяцев спустя после премьеры «Фрекен Жюли», 1 сентября 1893 года, режиссер Орельен-Мари Люнье-По объявил о создании в Париже театра символистского направления — театра «Эвр». В манифесте декларировался синтетический театр, использующий пантомиму, театр марионеток и театр теней. Стриндберг понял, как актуально для него создание новой труппы (хотя Люнье-По и не назвал имени Стриндберга в числе предполагаемых авторов). Через переводчика своих пьес Жоржа Луазо Стриндберг установил контакт с режиссером. 24 сентября 1893 года (еще до открытия первого сезона) Люнье-По посылает Стриндбергу письмо, в котором просит разрешить ему постановку «Отца». Однако Стриндберг, надеясь на заинтересованность в этой пьесе Антуана, предложил Люнье-По другую пьесу, «Кредиторы». Премьера состоялась 21 июня 1894 года, она завершила первый сезон театра «Эвр».

«Кредиторы» менее динамичны, чем «Отец». Идея тотального детерминизма получает здесь новое звучание: все сокровенное в личности, все сокровенное

неумолимо переходит к другому человеку, остается пустота, а за все заимствованное неизбежно наступает расплата. «Ты стала сильнее за мой счет, — говорит Густав Текле, — и, уходя, ты уходишь со всем содержимым и оставляешь мне одну оболочку».

Люнье-По нашел возможность интерпретировать «Кредиторов» в символистском ключе.

Сверхчеловеческие проявления в героях Люнье-По усиливал. Акцент был поставлен не на бытовом поведении персонажей, а на выявлении сущности этих проявлений.

Стриндберг, находящийся в Австрии и знающий о постановке лишь по газетам и письмам, был удовлетворен спектаклем. И не просто удовлетворен. Он считал, что решительно завоевал французскую публику. И был счастлив, когда писал в письме о своих ощущениях: «...В этот самый момент в Париже, главном обиталище разума, пять тысяч особ сидят безмолвно в зале и наивно подставляют свои мозги моему воздействию. Некоторые возмущаются, но другие пускаются в путь с зачатками моих идей в своем сером веществе. Они возвращаются к себе оплодотворенные моим духовным семенем и порождают мое потомство. А через полгода, читая французскую газету, я узнаю своих детей. Ах! Это прорастает мое семя. Вот счастье»¹.

¹ *Cum. no: Robichez J. Strindberg et Lugne-Poe // Revue de la societe d'histoire du Theatre. 1978. №3. P. 288.*

Стриндберг был склонен к крайностям. Если бы он был в Париже в это время, то увидел бы, что атмосфера здесь выжидательная. Несмотря на отрицательную реакцию шведской и норвежской прессы на представления «Кредиторов», показанные «Эвр» в Кристиании (6 октября 1894 года) и в Стокгольме

(11 октября), Люнье-По получил разрешение автора на постановку «Отца».

Премьера «Отца», состоявшаяся 13 декабря 1894 года, стала уже бесспорной победой и «Эвр», и Стриндберга. Постановка, лишенная бытовых подробностей, стала попыткой показать обобщенные человеческие отношения. В спектакле сталкивались не два характера, а две стихии. Тем самым замысел автора был воплощен. Создатели спектакля определяли его жанр как трагедию.

В начале 1890-х Стриндберг пережил ряд личных потрясений. После многолетних драматичных отношений с первой женой, Сири Матильдой фон Эссен, в 1891 году был оформлен официальный развод. В мае 1893 года Стриндберг женился во второй раз — на австрийской журналистке Фриде Уль.

В августе 1894 года Стриндберг приезжает в Париж. В это время обостряется его конфликт с новой женой, в октябре произошел окончательный разрыв (развод был оформлен в 1897-м) и решительный отказ от оставленного еще год назад творчества. В течение ряда лет Стриндберг занимается алхимическими и научными исследованиями, теософией и оккультизмом. В эти годы формировалась новая художественная программа писателя, воплотившаяся позднее в романе «Инферно», в драматической трилогии «На пути в Дамаск» и в последующих произведениях. Новая эстетика соответствовала принципам, на которых построены символистские спектакли Люнье-По.

После «периода молчания» Стриндберг пишет пьесы «На пути в Дамаск» (I, II части, 1898), «Преступление и преступление» (1899), «Пасха» (1900),

«Пляска смерти» (1900). В этих пьесах намечается переход к символизму и зарождаются элементы экспрессионистической эстетики, но сильная зависимость от натуралистической концепции еще ощутима. В пьесах 1901 года — «На пути в Дамаск» (III часть), «Невеста под венцом», «Белая как лебедь», «Игра снов» — произойдет решительный переход к новой эстетике.

Тема «обращения» вынесена в название пьесы-трилогии — «На пути в Дамаск», т.е. обращение Савла в Павла. Если в эстетике пьесы — стремительное изменение стиля и художественных приемов, то в идеях, которые иногда прямолинейно декларируются в пьесе, содержится поиск духовности. Но Стриндберг не был бы Стриндбергом, если бы любое утверждение христианских истин тут же не опровергалось откровенной ересью. И конечно же, поиск духовности строится на сюжете взаимоотношений героя с женщиной. В пьесах содержатся точные автобиографические сведения: Стриндберг не скрывает, что Незнакомый, герой трилогии, — это он сам.

Трилогия является попыткой реализации грандиозного замысла — продемонстрировать некое движение, становление личности — от полного падения и одиночества в начале, через иллюзии любви, творчества, признания, которые развеиваются в прах, к космической борьбе Бога и Дьявола за душу человека. И Стриндберг-художник, конечно же, не приходит к однозначным результатам.

Части трилогии демонстрируют не только движение духовного поиска, развитие идеи, становление личности, но и изменение эстетики, жанра от одной части к другой. В первой части — символистская трагедия. Вторая часть была написана сразу вслед за

первой. Сюжетно они неразрывны, но эстетически различаются существенно. Вместо риторики и «классического» символизма — постоянное желание взорвать форму, перейти к гротеску. Третья часть была написана после некоторого перерыва — в 1901 году. За прошедший промежуток времени Стриндберг успевает написать «Преступление и преступление», «Пасху», «Пляску смерти». Происходит медленный переход к эстетике символизма. Третья часть трилогии, с одной стороны, продолжает «эстетику сна», использованную в первых двух частях и ставшую обязательной в дальнейшем творчестве драматурга. Это объединяет все три части пьесы. С другой стороны, третья часть — это еще и «трагедия познания»: страдания и перерождение Неизвестного продолжаются, но уже в новой художественной плоскости.

Третья часть является новаторской по жанру - это мистерия с элементами гротеска и аллегорическими персонажами. Возникают новые типы взаимоотношений героя с другими персонажами, но типы эти даются только как схемы, не заслоняющие основной внутренний конфликт — борьбу Бога и Дьявола за душу человека. Фаустовский замысел трилогии вполне реализуется в этой ее части.

Развязка трилогии — положение Неизвестного во гроб. Исповедник приводит героя в одежде послушника, чтобы совершить обряд смерти и рождения нового человека. Неизвестный должен обрести имя. Но на пороге новой жизни стоит Искуситель. Он иронизирует над любыми жизненными ценностями. Судьба Неизвестного не может кончиться триумфом веры, но может — молчанием. Обряд начинается, хор поет «И вечный свет пусть светит ему», но новой жизни героя мы не увидим. Стриндберг не

столь наивен, чтобы надеяться на спасение и перерождение.

В трилогии «На пути в Дамаск» Стриндберг стремился создать Драмму Мечты, вобравшую в себя все, что накопилось за годы молчания драматурга, объединившую в композиции трехступенчатого конфликта (по образцу античной трилогии) все возможные варианты человеческих «конфликтов» и универсальные жанры современной драмы (символистская драма, гротеск, мистерия). Родившаяся трилогия, по замыслу сопоставимая с «Фаустом» Гёте, оказалась перенасыщена сюжетными линиями и жанровыми изменениями. Она стала не воплощением задуманной сверхдрамы, драмы-эпопеи, а лишь ее планом, проектом. В дальнейших пьесах и циклах драматург будет воплощать отдельные модели, заявленные в трилогии «На пути в Дамаск». Речь идет и об исторических пьесах, и о камерных драмах, и о «Пляске смерти». Художественного совершенства Стриндберг достигает в написанной в том же, что и последняя часть трилогии, году пьесе «Игра снов». Это произведение действительно стало Драммой Мечты, и произошло это, возможно, именно из-за отказа от масштабного замысла и достижения художественной и жанровой целостности.

Сам Стриндберг называл «Игру снов» своей «самой любимой драмой».

В трилогии «На пути в Дамаск» множество приемов, сюжетных схем, поэтических образов, персонажей, которые получают развитие в пьесах 1900-х годов, прежде всего в «Игре снов» и в камерных пьесах.

Кульминационный момент трилогии происходит в готическом зале капитула, где перед Неизвестным,

облеченным в монашеское одеяние, предстают Приор и двадцать Патеров, рассказывающих свои истории. Стриндберг стремится представить все возможные модели человеческого сознания, чтобы прийти к некоему универсальному человеку, выстрадавшему чистое знание и освободившемуся от земных привязанностей.

Приор напоминает Неизвестному историю, произошедшую с Неизвестным же в детстве (в 1856 году): тогда он разорвал и спрятал книгу, а обвинение пало на его товарища. Последующие обвинения в адрес Неизвестного стали расплатой за эту подлость. Неизвестный просит о прощении и получает его от Патера Исидора, в прошлом — того самого пострадавшего товарища.

Выясняется также, что раньше подобные низменные поступки были и на совести самого Патера Исидора и даже Приор грешен. Все палачи и все жертвы! Нет разделения на божественное и дьявольское, но это нужно найти и признать в себе самом. Таков современный Фауст.

Сцена — воспоминание о порванной книге — вошла в качестве отдельного эпизода в пьесу драматурга «Игра снов». Там Офицер разговаривает об этом со своей матерью, но мать умерла, так что разговор получается с самим собой, первопричины ищутся в собственном сознании. И это игра снов.

Распространенный в символизме мотив падения на землю звезды и обретения ею земной ипостаси становится завязкой пьесы «Игра снов», в Прологе которой дочь Индры — Агнес — нисходит с Сириуса (Шукры) на землю. Сюжет преломления вечной женственности в земной юдоли использован

впоследствии в блоковской «Незнакомке».

Другой символистский мотив «Игры снов» — открывание дверей, за которыми предполагается путь к обновлению человечества. Герой с детства мечтает открыть запретную дверь, а когда она открыта, героя ждет разочарование.

Сам прием сна Стриндберг использует так же, как впервые это было сделано в 1636 году в драме Кальдерона «Жизнь есть сон». Сехисмундо по воле других людей перемещается между тюремным застенком и дворцом, он то король, то узник. При каждом его пробуждении все предшествующее объявляется сном. В итоге однозначной реальности нет. Все, с чем человек соприкасается, ему лишь снится. В этом высшая мудрость.

Воплотившись в земную женщину, дочь Индры сталкивается со всеми земными тяготами, проникается земными страданиями. Бесконечная вереница героев возникает в пьесе как вспышки в сознании героини. Множественность эпизодов и персонажей точно передает «эстетику сна». Все возникающее на сцене происходит в сознании Агнес, но одновременно она становится персонажем какой-то высшей игры, в которую втянуты не только люди, но и весь космос. Игра сновидений пропитана бытовыми деталями, подробностями характеров героев, но и смелыми поэтическими фантазиями, такими как замок, распускающийся, подобно цветку.

Три основных персонажа, с которыми Агнес вступает во взаимодействие за время ее земного существования, — Офицер, Адвокат, Поэт. Каждый из них несчастлив. У каждого возникает надежда на выход из тупика, и Агнес пытается принести каждому облегчение.

Офицер — вечный влюбленный, Адвокат несет груз страданий своих клиентов, Поэт желает найти слова о судьбе человечества, которые дойдут до ушей Бога. Но никто не разрешает свои проблемы. Связь с землей, с прошлым, с бытом останавливает любые порывы. Только Агнес свободна от всего этого. Она разочаровывается в людях и уходит, забирая их страдания, но так и оставаясь посторонней. Уходя, она оставляет людям песню, гимн человеческого страдания и надежду на прощение тех грехов, которые совершает каждый.

Пьеса оказалась настолько новаторской по форме, что ее путь на сцену был нелегким. Премьера состоялась в Стокгольме в 1907 году, без особого успеха. В Германии Макс Рейнхардт поставил пьесу в 1921 году в экспрессионистической манере, о предчувствии неизбежной катастрофы.

Значение, которое придавал Стриндберг этой пьесе, выразилось в том, что он сам перевел пьесу на французский язык. Однако, получив сильнейший творческий импульс от французского символизма, Стриндберг решительно двинулся дальше. В начале XX века сценическое искусство оказалось не готовым к новой стриндберговской эстетике. Только в конце 1920-х постановка стала возможной во Франции. Закономерно, что интерес к ней возник в сюрреалистической среде.

2 июня 1928 года состоялась премьера пьесы «Игры снов» на сцене Театра «Альфред Жарри» в постановке Антонена Арто. Деньги на постановку были добыты в шведском посольстве, на премьере собралась аристократическая публика. Все это послужило причиной очередного скандала и выдворения

сюрреалистов со второго представления с помощью полиции. Первая постановка во Франции пьесы Стриндберга была принципиальна для режиссера. Здесь вполне раскрылись две тенденции эстетики Арто того периода: символистская и сюрреалистическая.

Поэтика сна играла значительную роль в творчестве сюрреалистов. Лидер сюрреалистов Андре Бретон в первом «Манифесте сюрреализма» писал: «Меня всегда поражало, сколь различную роль и значение придает обычный наблюдатель событиям, случившимся с ним в состоянии бодрствования, и событиям, пережитым во сне»¹.

¹ Бретон А. Манифест сюрреализма // Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М., 1986. С. 45.

Логика сна воспринимается сюрреалистами как реальная, даже сверхреальная. Основное качество, приписываемое ими сну, — непрерывность. В этой непрерывности полностью удовлетворяются сознание и потребности спящего, связывая прошлое и будущее.

Арто, конечно, исходил из идей, сформулированных Бретоном: «Следует учитывать многослойность сна. Обычно я запоминаю лишь то, что доносят до меня его поверхностные пласты. Но больше всего я люблю в нем все, что тонет при пробуждении, все, что не связано с впечатлениями предыдущего дня, — темную поросль, уродливые ветви»².

² Там же. С. 46.

Но режиссер пошел дальше. В глубинных слоях

сна он обнаружил не некую иную реальность, а мифологическую структуру, целостную, фантазмагорическую и священную, связывающую «внелогическое» мышление с повседневным. В постановке Арто опирался на уникальные возможности пьесы. Ее героиня Агнес, дочь Индры, была порождением сна. Другой аспект сна в спектакле — восприятие земли глазами Агнес. Она, сталкиваясь с конкретными и аллегорическими персонажами, видит сущность мира, воспринимает его скрытые стороны. Роль Агнес исполнила Таня Балашова. Среди других участников спектакля были Раймон Руло (Офицер), поставивший свою версию «Игры снов» в 1970 году в «Комеди Франсез», Огюст Боверио (Поэт), Ивонн Сав, Этьен Декру и другие. Арто считал пьесу Стриндберга идеальной для Театра «Альфред Жарри». В связи с премьерой он писал: «Между реальной жизнью и жизнью сна существует некоторая игра психических комбинаций, соотношений, жестов, событий, переходящих в действие, игра, которая очень точно определяет ту театральную реальность, которую Театр Жарри поставил своей целью воссоздать»¹.

¹ *Artaud A. Oeuvres completes. Vol. 2. Paris, 1973. P. 40-41.*

Спектакль строился на принципах симультанного восприятия явлений во сне, сосредоточенного на одном центральном объекте. По мнению ученых, композиция сна строится следующим образом: «Во время сновидений субъект сосредоточен каждый раз на каком-то одном, наиболее четком и изолированном от других образе, и именно вокруг него когнитивно «достраивается» сюжет сновидений с использованием других образов,

находящихся на периферии поля зрения»².

² *Ротенберг В. С. Сновидения как особое состояние сознания // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т. 4. Тбилиси, 1985. С. 212.*

Таким изолированным и централизующим образом являлась в спектакле Агнес.

Подобная сюрреалистическая концепция приводит в результате к символистской схеме. А именно, театральная реальность выступает как некое построение символов, отражающих сущностный мир. Таким образом, на сцене возникает замкнутая вторая реальность, решительно противопоставленная действительному миру (и театральному залу). Арто, следуя основополагающим идеям Бретона, усиливал в театре символистскую поэтику Стриндберга.

Современный французский исследователь отмечает два принципа постановки Арто: «Принцип негативный: отказ и от реалистического копирования, и от иллюзии. Принцип позитивный: определение себе места на полпути между реальностью и сном»¹.

¹ *Brunei P. Strindberg et Artaud // Revue de la société d'histoire du Théâtre. 1978. №3. P. 351.*

Конечно, это один принцип — принцип создания законченной структуры, противостоящей реальности с ее театральной фальшью на сцене и в жизни. Цельность же достигалась непрерывностью сна, соединением элементов, несводимых к обыденной реальности.

В XX веке к постановке «Игры снов» неоднократно обращался Ингмар Бергман. Именно эта пьеса оказала

сильнейшее влияние на эстетику его кинорежиссуры.

В 1900 году Стриндберг познакомился с актрисой, норвежкой по происхождению, Харриет Боссе, исполнившей главную роль в пьесе «Путь в Дамаск» в стокгольмском «Драматен». Роль Агнес писалась с расчетом на нее. 6 мая следующего года заключен третий брак писателя. Этот союз продолжался до осени 1903 года и сопровождался частыми кризисами. В ноябре 1904 года брак был расторгнут. Но именно Харриет сыграет Агнес в стокгольмской премьере «Игры снов».

В 1907 году Стриндберг создает в Стокгольме «Интимный театр» и пишет новые пьесы, названные им «последними сонатами». Он дает им номера музыкальных opus'ов: №1 — «Буря», №2 — «Пепелище», №3 — «Соната призраков», №4 — «Костер» («Пеликан»). Эти драмы, подобно пьесе «Игра снов», состоят из множества диалогов, отдельных сценок. Мозаичность и монтажность, некая параллельность или временное несовпадение событий раскрывают в Стриндберге предшественника экспрессионизма.

Однако «Игра снов», любимое детище драматурга, отличается глобальностью, фаустовской космичностью сюжета.

Последняя пьеса Стриндберга — «Большая дорога» — написана в 1909 году. Умер писатель 14 мая 1912 года.

Вадим Максимов